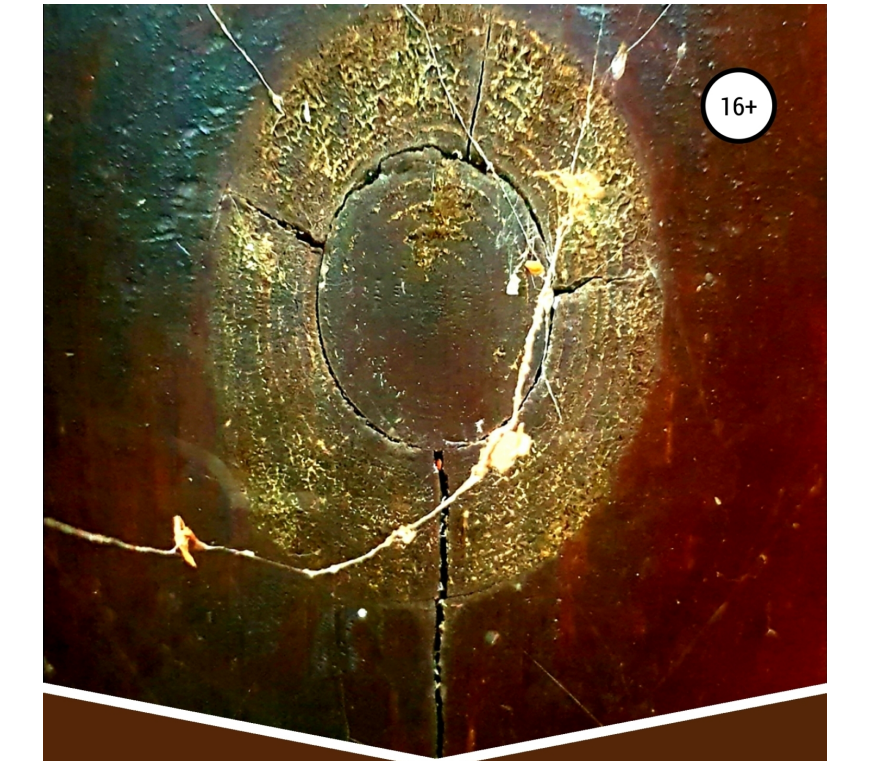

16+

Светлана Вашкевич
Пройти сквозь века...

Светлана Ильинична Вашкевич

Пройти сквозь века...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64757491

SelfPub; 2021

Аннотация

Александр – архитектор, ведаёт престижным Бюро ландшафтной архитектуры, Майя – успешная молодая женщина, состоявшаяся как в бизнесе, так и в семейной жизни. Однажды их пути пересекаются на короткое мгновение, которого достаточно, чтобы ожила родовая память каждого. Глубинные воспоминания ведут незнакомых прежде людей в далекое прошлое, где они князь и его возлюбленная княгиня. Много лет назад смерть от руки врага прерывает жизнь князя в самом расцвете лет, убитая горем жена даёт обет молчания, который блюдет оставшуюся жизнь. Имя её теряется в веках... Нынешним героям придется пройти нелегкий путь суеверного неприятия истины, отчуждения, поисков и испытания забвением, прежде чем воскресшие чувства приведут их друг к другу...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Светлана Вашкевич

Пройти сквозь века...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ИЗДАВНА...»

Река. Память. Начало.

Реки подобны времени— устремлены вперед и не повторяются ни в малейшем своем моменте. Как время состоит из множества мгновений, так и река— суть миллиарды крохотных капелек, сцепленных в один мощный поток. Но если время— понятие абстрактное, то что может быть более вещественным, чем вода, текущая по нашей грешной земле? Так кажется на первый взгляд.

Река— нечто большее, чем мы себе представляем.

Она вбирает в себя чистое и грязное, живое и мертвое, тепло и холод. Смешивая несовместимое, она остается верной своему предназначению— нести жизнь, быть ею, олицетворять ее. Все, с чем приходилось соприкасаться реке, оставляет непреходящий след, порождая особое явление— память воды. На длинном пути, с робких ключевых струек до безбрежных морских просторов, река подпитывается не

только солями и прочими минеральными субстанциями, но и производными человеческого сознания- эмоциями, отголосками мыслей, намерениями и мечтами. Так повелось с момента первого появления человека на берегах оных.

Взамен мы получаем немало.

Неважно, в каком виде река предстает перед нами- нетопливой речушкой под каменными дугами старинного мостика или древним Днепром, невообразимо далеким «Отцом вод»-Миссисипи или чистым притоком, главное, она помогает привести наш внутренний мир в соответствие с гармонией окружающего мира, успокоить мятущиеся души и вселить уверенность и оптимизм.

Река подобна времени- прошлое, настоящее и будущее ведомо ей. Потому что она – вместилище знаний, полученных на протяжении миллионов лет от всего сущего.

Вечные спутники реки- солнце и ветер. С их помощью она делится тайнами, нашептывая захватывающие истории о людях и событиях, случившихся на ее берегах. Ты внимаешь им, и границы реальности размываются, увлекая в мир чужих страстей и воспоминаний...

Архив. Консилиум. Две папки.

Издавна на крыше старинного дома в центре Москвы приютилось замысловатое помещение. То ли чердачная выпуклость с огромным лепным окном, то ли отдельное сооружение в барочном стиле- оно практически не привлекало вни-

мания вечно спешащих по своим делам горожан, потому что, во-первых, находилось высоко, а, во-вторых, люди разучились смотреть в небо.

Порой какой-нибудь приезжий мечтатель, прогуливаясь по пешеходному мосту (дом стоял на набережной), замечал эту необычную архитектурную деталь и начинал фантазировать на тему любовных свиданий и прочей романтической чепухи. Меж тем, там располагалась самая что ни на есть прозаическая служба – Архив вещей предметов.

Изнутри Архив был намного просторнее и светлее, чем казалось неискушенному наблюдателю, и смело поделен на разновеликие сектора. Всего их было три, каждый имел свое название и свое стилистическое решение. У огромного круглого окна располагался самый большой и уютный отдел, оформленный в мягких сливочных тонах. Обшитые белым дубом стены с единственной картиной, необычной, выложенной самоцветными камнями (в центре ее почему-то отсутствовал крохотный элемент- камушек), великолепный пушистый ковер на полу, легкая светлая мебель у окна и полки, полки, полки... Они были заполнены вещами, как-будто выдернутыми из разномастных собраний сумасшедших коллекционеров: различные предметы обихода, детали странных механизмов, инструменты и книги. Какие-то штучки были запакованы в яркие лаковые коробочки, другие завернуты в хрустящую бумагу, а третьи-обвязаны праздничными лентами. Новые и старые, бывшие в употреблении, с изъяна-

ми и без, антикварные и сугубо утилитарные-все предметы в общей массе казались достоянием весьма состоятельного старьевщика, не желающего ни за какие деньги расставаться со своим добром.

Кажущаяся бессистемность была обманчива: каждая вещь занимала свое, строго отведенное ей место, была пронумерована, описана и внесена в толстую реестровую книгу, ревностно охраняемую Хранителями. Неудивительно – судьбы конкретных людей предопределялась с помощью этих необычных предметов. В определенный момент жизни (у кого-то это случалось в раннем возрасте, у кого-то – на более позднем этапе), экспонат из коллекции Архива попадал в нужные руки, и судьба человека начинала течь по отведенному ей руслу. И тогда либо происходил крутой поворот, либо намечалась незначительная корректировка, если звезды благоволили к счастливчику. Хотя, как знать...

Итак, в первом и самом крупном отделе Архива хранились Стандартно Предопределенные Вещи. С ними не случилось никаких проблем, механизм доставки работал безукоризненно, и неудивительно, что Архивариусы именно здесь свили свое рабочее гнездышко. Количество их всегда было неизменным – двое мужчин и одна женщина. Раз в тридцать лет происходила смена рабочего состава, которая тоже была предопределена и прописана в Главной Архивной Книге. Как правило, отставники в качестве компенсации получали возможность работать и жить в соответствии со своими вку-

сами и пристрастиями. Надо ли говорить, что все они являлись людьми с необычным складом ума и широкими возможностями. И с весьма трезвыми взглядами на окружающий мир.

Оставшиеся два отдела занимали гораздо меньшую площадь. Под второй отдел была отведена маленькая комната, все убранство которой составляли несколько шкафов, стол со стульями да стремянка. Скромное окошко, расположенное высоко под потолком да к тому же практически в углу, давало совсем немного света, поэтому комната постоянно освещалась почти дюжиной ярко горящих лампочек. Это придавало ей канцелярский вид, здесь совершенно не хотелось болтать, пить чай с вкуснейшими пирожными и обсуждать жизненные неурядицы. Обстановка требовала собранности для решения весьма сложных задач, поставленных перед Отделом Упущенных Возможностей. Здесь просчитывался фактор случайностей, анализировались составляющие успеха или неудач при редчайших сбоях в жизненных линиях уже состоявшихся личностей. Проще говоря, иногда человек выполнил, казалось, свое предназначение, а творческих либо физических сил у него еще было – ого- го! Или, наоборот, неподдающаяся тоска по чему-то ускользающему буквально заставляла гаснуть вполне благополучную личность на вздохе, на полуслове. В подобных случаях, после кропотливого изучения причин, из недр шкафа извлекалась некая вещь – подсказка. При невозможности прямого вмеша-

ства, она могла привести на мысль о втором шансе, корректно показать новое поле деятельности. Имеющий уши – да услышит! А еще увидит, а еще захочет бодаться с судьбой! Такое удавалось немногим- и тогда их жизнь превращалась в безумно щедрую яркую вспышку, меняя людей и эпохи...

Но ни безграничная фантазиямышленной блондинки- архивариуса, ни гибкий ум ее коллег по Архиву не могли объяснить причины, по которым несколько раз в столетие не срабатывала та или иная вещая штучка. Юноша с блестящим аналитическим умом, нашедший в далеком детстве на пыльном чердаке тетрадь с обрывками непонятной формулы, и мечтающий расшифровать ее, на пороге открытия бросал все и уходил в травники. Скромная монастырская послушница, с детства хранящая подаренный ей образок, становилась законодательницей мод, создавшей огромную финансовую империю. Великая любовь, хранимая годами, становилась орудием ненависти и мести.

Когда это случалось, снимались печати с неприметной дверцы в углу Архива, и самый загадочный, третий, отдел Нестандартных Подходов начинал свою работу. Необычные ощущения появлялись уже при входе – в изначально маленьком объеме совершенно свободно стояла массивная старинная мебель. Потемневшие от времени шкафы с толстыми гранеными стеклами солидно примостились у стены, обшитой мореным дубом, противоположную же сторону занимали не менее тяжелые резные стулья, стол и позеленевший

бронзовый сейф с ручкой- рукояткой посередине. Тут и там кучками стояли канделябры с оплывшими свечами, но основным источником света была большая матовая люстра, лучи которой мягко обегали все темные уголки и гасли в ворсе старого восточного ковра.

Сюда не проникали посторонние звуки извне. Сюда не попадали недозволенные запахи. Здесь не могли появиться чужие люди. Только Синклит мудрецов из Архивов шести континентов мог полноправно расположиться в глубоких кожаных креслах, зажечь торопливый огонь в закоптевшем камине и неспешно обсудить возникший казус. Время от времени из пыльных недр на свет божий извлекались тома с делами давно минувших лет, в надежде найти какую-нибудь зацепку, намек или совпадение.

Ради справедливости нужно сказать, что это почти никогда не давало результатов, но регламент был строго расписан много сотен лет назад и всегда неукоснительно соблюдался.

Такие необычные дела появлялись крайне редко и рассматривались весьма пристрастным и нетривиальным образом. Архивисты жарких стран склонны были оперировать магическими формулами и обрядами, более выдержанные и рассудительные северяне , проанализировав проблему со всех сторон и убрав эмоциональную подоплеку, с изрядной долей цинизма предлагали порой весьма жесткие, но совершенно практичные пути решения. Восточные мудрецы же после долгого молчаливого созерцания ауры человека выно-

сили свой вердикт, порой ошеломляющий своей простотой и необычностью.

Но могучие Архивисты, все вместе, твердо знали, что они лишь инструмент в руках Божьих и окончательное решение принимать не им.

И вот настал день, когда на стол Третьего отдела легло две папки...

СОН. УТРО. ОНА. ДОРОГА.

Ночью Майке приснился удивительный сон. Волнующий и странный . Он не давал ей покоя даже после пробуждения. Она счастливо улыбалась, когда открывала глаза, ибо была переполнена скрытой, почти интимной радостью, подаренной ей неожиданным видением.

Снилась молодой женщине большая, празднично убранная поляна, по краям которой располагались столы, заставленные щедрыми яствами и напитками. За ними веселились многочисленные гости, но их звонкие вскрики и смех доносились до Майкиного сознания мягким, еле слышным гулом. Все ее внимание было сосредоточено на противоположной стороне, где неторопливо беседовали двое мужчин. Ее муж, такой родной и обожаемый, которым она гордилась даже во сне, что-то вещал незнакомому высокому человеку, стоящему к ней вполоборота. Майю тянуло к этому человеку так,

что с трудом приходилось сдерживать себя. Почему-то она была уверена, что цвет его глаз-серый...

Раздался гонг, и на центр поляны выскочили то ли шуты, то ли артисты- в колеблющемся мире сна все было зыбко и неважно. Они кривлялись, запускали шутихи и в молниеносных эскападах поражали неожиданно трезвыми и мудрыми репликами.

Один из них, малорослый, кривоногий мужичонка в кожаном охотничьем костюме, вытащил невесть откуда большую птичью клетку. В ней сидела удивительная царь-птица, невероятно красивая своими перьями, окрашенными в бирюзовые, изумрудные, алые тона. На маленькой, изящной головке топорщились золотые перышки, а агатовые глаза-бусинки презрительно смотрели на обрадованных людишек. Коротышка незаметно открыл дверцу и под дружный вздох восторженных зрителей выпустил райскую птичку. Не облетев и полкруга, та плотным разноцветным снарядом устроилась на плече у Майки. Именно тяжесть птицы да наступившая тишина заставила женщину очнуться. И ощутить смятение, заметив внимательный взгляд серых!!!– глаз незнакомца. То ли шуты, то ли артисты непонятно переглянулись – и выпустили быстрого ястребка, который тут же плавно спикировал на другое плечо совершенно сконфуженной молодой женщине. То же направление выбрал и маленький персиковый пудель, соскочивший с рук пухлой клоунессы. И от обещания и ожидания чего-то хорошего Майка окончательно

но проснулась...

Она лежала, откинув одну руку на мужа, а вторую еще прижимала к плечу, как-будто удерживая кожистые лапки чудо-птицы. В комнате было тихо и спокойно, рядом мерно сопел ненаглядный, а перед глазами все стоял ровный круг поляны, птица как обещанный символ счастья, да мимолетный взгляд серых глаз.

...Минут через тридцать в окна вполз серенький зимний рассвет. Он мерзко стирал остатки такого чувственного, такого прекрасного сна и неотвратимо заставлял впрягаться в будничные дела и заботы. За утренними хлопотами – завтрак, сборы, короткая шутливая перепалка с мужем- новизна сновидения заметно стерлась, детали размылись, и уже совершенно нереальными казались и полет неземной птицы, и облик взволновавшего ее человека. Только по пути на работу, в уютном тепле прогретой и мерно урчащей машины, под негромкий бархатный голос юной певицы с нежным восточным именем, Майя ощутила мимолетную тоску, как боль от давней потери, забытой, но неизбывной. Она удивилась, ведь в ее устроенной и такой благополучной жизни не могло быть столь глубоких и непонятных воспоминаний, как не могло быть мыслей о чужих, пусть и приятных незнакомцах.

Майке недавно исполнилось тридцать два года, несколько месяцев назад они с мужем отметили десятилетний юбилей совместной жизни. Казалось, их брак был идеальным, если бы не одно «но»: они были бездетны. С физиологической

точки зрения никаких отклонений или причин, препятствующих появлению потомства, не было. Оба страстно хотели ребенка, особенно Сережка. Но, увы... Медицинские светила разводили руками, дополнительно назначенные консультации и процедуры не приносили никаких результатов. И тогда было решено не торопить события, подождать. В конце концов, в нынешнее время женщины рожали и в пятьдесят лет. Чтобы как-то отвлечь жену от грустных мыслей, Сергей Короткевич, чей бизнес развивался достаточно стабильно, предложил организовать собственное дело. И Майка загорелась...

Дорога предстояла нудная и долгая. Легкий морозец уступил место уже привычной зимней оттепели, и шоссе превратилось в ледяной каток. Приходилось вести машину крайне осторожно и внимательно. Майя то и дело подравнивала свой кроссовер, стараясь не влететь в колею, набитую огромными самосвалами и грузовиками. Мимо пролетали большие, урчащие машины с эмблемами, напоминающими значки на клубных пиджаках, маленькие, старательные автомобильчики всевозможных расцветок шустро сновали из ряда в ряд, и только важные мастодонты-«Волги» никуда не торопились- как подозревала Майка, их некогда могучие ресурсы были давно исчерпаны, в отличие от амбиций.

Какие только экземпляры не встречались на московских дорогах! То рядом проскакивал веселый грузовичок с изображением клюкастых бабулек в ряд на дверце, то сбоку гро-

хотал огромный «Зил», у которого передние колеса бездействовали, в то время как задние исправно крутились, отматывая многочисленные километры. Пару раз на глаза попались невозмутимая «Нива» со скромной надписью на заднем стекле «Комитет по борьбе с внеземными цивилизациями» и «Фокус» с эмблемой «Фонда содействия мужьям-рогоносцам».

Часами бредя в бесконечных плотных пробках, невозможно было не восхититься фантазией чиновников, выпускавших в свет номерные знаки. Помимо легендарных «ГНИ», «РВИ», «МНИ» и иже с ними, попадались совершенно уникальные сочетания букв. Почти час Майка в немом восхищении висела на хвосте у роскошного черного «Мерса» с одними девятками и буквами «ВОР» на номере. То ли хозяин был так уверен в себе, то ли это была злая шутка судьбы, но знаменитая «шапка» горела ярко и показательно. Только когда «Мерседес» начал озадаченно притормаживать, молодая женщина сочла за лучшее смешаться с потоком и уйти в сторону...

Офис. Работа. Друзья. И сотрудники.

За размышлениями дорога пролетела незаметно, и вскоре Майя подъехала к месту работы. Она владела небольшим офисом в огромном деловом комплексе, занимавшем почти полквартала в центре Москвы. Раньше здесь находи-

лась фабрика по производству шелковых тканей, основанная еще в царские времена и существовавшая до недавнего времени. Толстые полутораметровые стены из темного кирпича и высокие арочные окна говорили о немалом возрасте, что придавало и без того напыщенному деловому комплексу солидный вид. Соответственно, и цены на аренду помещений были под стать годам основания. Ходили слухи, что бывшую фабрику скоро снесут, и Майке было искренне жаль этот величественный обломок старины. Некое ощущение причастности к прошлому витало в длинных извилистых коридорах. Уходящие на десять метров вверх сводчатые потолки не давили, а, наоборот, придавали дополнительный объем и воздушность раскрытому пространству холлов и конференц-залов. Неожиданно уместными оказались здесь и холеные девочки-референты, снующие с папочками и ноутбуками, и молодые, но такие успешные ребята в дорогих, от Зеньи и Кавалли, костюмах. Надо отдать должное, многие из них были действительно талантливы в бизнесе, пробивая собственный путь без помощи извне, делая состояния буквально на голом энтузиазме и вере в себя. В стильных рестораниках внизу все больше попадались те, кому на фиг сдалось корпеть над копеечными проектами и непонятными перспективами. Их выдавало милое, слегка развязное, поведение и элегантно-небрежная роскошь в одежде. Но мнимая инфантильность не всегда могла скрыть цепкость во взгляде, безукоризненно считающую коэффициент нужности.

Кого редко можно было увидеть в людных местах, так это работяг-компьютерщиков. Они мало интересовались бурной жизнью остального коллектива, предпочитая общаться со столь любезными их сердцу компьютерными программами. Время от времени очередной компьютерный гений выскакивал за порцией фаст-фуда в ближайшее заведение общепита, и тут же возвращался к прерванной работе.

Изредка в холлах можно было наблюдать некое смятение в работе короткостриженных самоуверенных ребят-секьюрити. Это прибывали на работу отцы-основатели компаний и ведущие руководители проектов. Моложавые, подтянутые, безусловно следящие за своим внешним видом, мужчины и женщины быстрым шагом преодолевали входное пространство, не глядя по сторонам и не размениваясь на встречные приветствия. Майке всегда было любопытно, замечают ли они кого-нибудь на стремительном пути к своим роскошным кабинетам.

Ее плебейские размышления пропадали сразу же, как только молодая женщина подходила к собственному офису, на дверях которого красовалась латунная табличка «Досуговый центр «Развитие». За скупым названием скрывалось столько Майкиных надежд и усилий! Некоторое время назад, начиная совершенно новое для себя дело, она выяснила, что выбранное направление- организация и проведение детских мероприятий- ниша, давно занятая в Москве. Многочисленные компании и бюро предлагали огромное коли-

чество развлекательных программ для детей разного возраста. Майя, имея за плечами преподавательский опыт, внимательно проштудировала множество сценариев, просмотрела сотни детских программ и выделила одну закономерность. Подавляющее большинство фирм придерживалось принципа фейерверка, когда ребенку на блюдечке подносили красочное шоу, одобренное энным количеством шуток, познавательных вопросов и парой-тройкой нравоучений. Это в лучшем случае. В худшем, это были дорогие, красочные постановки с полубезумными клоунами, экзотическими животными и ярким, бессодержательным реквизитом. Дети же пассивно наблюдали со стороны за действием. Замотанным родителям такие праздники влетали в копеечку, но они были готовы платить, платить, платить.

Майя предложила иную концепцию. Ее программы были рассчитаны на активную, смекалистую, эрудированную аудиторию. Поэтому ее помощники готовили детей заранее- без усталости разрабатывали вводные задания, хитрющие головоломки и увлекательные задачи. Предварительные выезды в школы с необычными конкурсами и викторинами увлекали и родителей, и учителей. Конечно, при необходимости привлекали и студентов театральных и музыкальных училищ, но суть оставалась неизменной- дети были главными действующими лицами. Совместными усилиями взрослые подводили ребятишек к заключительному этапу- празднику. Сценарий к каждому конкретному случаю писался отдельно, что, без-

условно, было трудоемко, но результаты этого стоили.

Расчет оказался верным, проекты были востребованы. Отказ от дорогостоящего реквизита позволил выдерживать небольшие сметы, что расширило круг заказчиков. Слух об интересных программах пополз в школьной среде, и вскоре их рабочее расписание было заполнено на месяцы вперед. В свою очередь, это позволило снять офис в удобном и престижном месте и несколько увеличить зарплаты сотрудникам.

Красиво сказка сказывается, да долго дело делается. Сколько трудов стоило молодой женщине юридически грамотно организовать собственное дело! Спасибо мужу. Сергей помогал где советом, где материально. Он терпеливо объяснял азы предпринимательства, подсказывал, как работать с отчетной документацией и налоговыми органами. Это оказалось не самым трудным. Проблемы оказались с подбором сотрудников.

Майя до сих пор с усмешкой вспоминает, какой наивной она была, обратившись к молодым и перспективным выпускникам вузов. Отказы сыпались один за другим. Неопределенный период становления компании отпугивал многих, ведь они хотели всего и сразу. Проще было устроиться подрабатывать репетиторами, нянями, гувернантками в богатые семьи, нежели использовать свой потенциал. Новоиспеченная бизнес-вумен решила поискать среди знакомых и просто интересных ей людей. И вскоре костяк команды был создан.

Он был невелик, всего пять человека, но коэффициент полезного действия впечатлял!

ХРАНИТЕЛИ

—Ну что ж, с мозгами тут , пожалуй, все в порядке.

—Уважаемый Хранитель, оставьте свои эмоции при себе, речь идет о вероятностной аномалии. Вектор деятельности Майи просчитан давно и требует лишь незначительной корректировки. Тревожит всплеск подсознания-откуда этот эпизод со сном?

—Может, девушка насмотрелась второсортных мелодрам со скрытым эротическим подтекстом?...

ОФИС. СОТРУДНИКИ. И ДРУЗЬЯ.

Первой отозвалась Ирина Карамышева, давняя знакомая еще со студенческих лет. Вполне благополучная в браке, она который год числилась в домохозяйках при состоятельном муже. Двое детей, девятилетний Максим и семилетняя Анечка, уже не так требовали заботы, как раньше, и деятельная Ирина откровенно заскучала. Чтобы как-то выбраться из рутинного домашнего омута, она рьяно принялась устраивать личный досуг замужних и холостых подруг. Поначалу те нехотя выбирались на театральные премьеры и выставки приезжих знаменитостей. Но вскоре молодые женщины втянулись в культурную жизнь столицы, и расписание каждой корректировалось с учетом выставок, спектаклей и по-

ходов в музеи и кино. Каждое мероприятие заканчивалось посиделками в маленьком уютном ресторанчике на Остоженке, неподалеку от заново отреставрированных особнячков с роскошными квартирами. Ира была хозяйкой одной из них. Ее характер почти не изменился, несмотря на долгие годы безденежья, сидения без работы, и, в конце концов, свалившегося материального благополучия. Она по-прежнему оставалась отзывчивой, острой на язычок молодой женщиной. Муж Иры прошел знакомый многим богатым людям путь к благосостоянию: работа на обычном предприятии, сокращение, отчаянный бросок в предпринимательство и — потеря! — удачный старт. Жилищный бум набирал обороты, и грамотно организованное производство строительных материалов пришлось как нельзя кстати. Вскоре обычными стали поездки за границу на отдых, элитное образование для детей. Дочь и сын к тому времени уже получили «прививку бедностью», поэтому снобизмом не страдали и спокойно относились к роскошным тряпкам и всяческим игрушкам. Чего не скажешь о новоявленном бизнесмене. После упорной борьбы за существование своей компании, утверждения на рынке услуг и, наконец, успеха, у него, грубо говоря, «поехала крыша». Дорогие машины, навороченные гаджеты — все бы ничего, только этим не ограничилось. Повинуясь неизвестно откуда взявшемуся инстинкту самца, он завел одну связь на стороне, другую, третью, и пошло-поехало. Поначалу Ира не находила себе места, следила за каждой его

пассией, винила во всем себя. Затем, переболев, перемучавшись (что было долгим и мучительным процессом), приняла как неизбежное и успокоилась. Советам бывалых дам найти любовника не последовала, просто выключила своего Олежку из собственной чувственной сферы и задумала изменить свою жизнь. Вот тут ее и настиг Майкин звонок. Это было во всех смыслах выгодное предложение: истосковавшаяся по настоящей работе молодая женщина активно включилась во все проекты. Ее цепкость, здравый смысл, знание жизненных реалий прекрасно уравнивали кипучий, безумный фонтан идей другого члена их маленького коллектива- юной пружинки Алинки.

Майя с улыбкой вспоминала первую встречу с девушкой. Как-то, проходя мимо кирпичной многоэтажки, она сначала услышала, а потом увидела голосащего худенького подростка, который то размахивал руками, то хлопал в ладоши, стоя у дверей подъезда. В общем, производил массу шума. Заинтересованная Майка подошла поближе и увидела, как неугомонный человечек сражается с огромной корявой вороной, норовящей ухватить нечто, попискивающее у дверей подъезда. При ближайшем рассмотрении это оказался маленький, недавно родившийся котенок, чья беспутная мамашка, тощая и голодная, из кустов со страхом взидала на пернатую захватчицу. Ни спрятать, ни защитить своего отпрыска кошка не могла, эту миссию на себя и взял Аника-воин, оказавшийся хрупкой симпатичной девушкой. Пришлось посо-

бить. Совместными усилиями ворона была изгнана с дворовой территории, а кошка с котенком нашли приют в комнате у сердобольной консьержки с соседнего дома.

Девушку звали Алиной, она заканчивала художественное училище прикладного искусства, расположенное неподалеку, и в будущем видела себя арт-богиней. Дальнейшее знакомство показало, что, помимо отзывчивого, щедрого сердца, она обладала неумемной фантазией, живым умом и абсолютным отсутствием каких-либо комплексов. Ее умению ладить с детьми, животными и зловердными старушками можно было только позавидовать. Майе оставалось искренне надеяться, что жадный внешний мир не сможет изменить эту чудесную девушку в худшую сторону. Лучшей кандидатуры для общения с детьми было не сыскать. Алинка-пружинка с удовольствием приняла приглашение стать членом их команды, благо характер работы и более-менее свободный режим устраивали ее как нельзя лучше.

Майя была мозговым центром, Ирина и Алина-правой и левой руками соответственно, но львиная доля работы приходилось на Юлию Павловну, ведающую хозяйственной частью, реквизитом, подбором временных помощников. Спокойную, немногословную женщину порекомендовал Сергей, долгое время работавший с ее сыном Семеном. Майя не прогадала, доверившись его совету.

Последнего сотрудника Майка нашла не сразу. Ей требовался человек, в каком-то смысле незаурядный, с нетипич-

ным взглядом на многие вещи, к тому же знающий бухгалтерию и немного налоговое право. И если со вторым проблем не было, то первое условие казалось невыполнимым. Почти полгода длились поиски подходящей кандидатуры. Пришлось обратиться в кадровое агентство, несмотря на строгий режим экономии, введенный Майей на первых порах. Собеседование с дюжиной претендентов ни к чему не привели: на вопрос, как оторвать ребенка от компьютера, чтобы поговорить о горе Фудзияма, все недоуменно пожимали плечами. Строгая отчетность, заполнение форм и деклараций никак не вязались с отвлеченными понятиями, и, вообще, при чем тут дети?..

И все-таки она его нашла! Недалеко открыли новый магазин, гордо названный «Фамильной книгой», и время от времени Майя забегала туда в поисках нужной литературы. Ей нравились прекрасно оформленные просторные залы, расположенные на двух уровнях, приветливый персонал, а главное- большое разнообразие отменно напечатанных книг. Конечно, заветные томики и подарочные фолианты стоили весьма недешево, но Майка никогда не экономила на книгах. В первое же посещение ее внимание привлекли портреты- профили на стенах, выполненные в филигранной теневой технике. То есть, некий умелец, пользуясь только ножницами и куском черной бумаги, создал портретную галерею. Чуть позже она обнаружила целые жанровые сценки, вырезанные столь же искусно. Путем китайской дипломатии

Майя выяснила, что художник и бухгалтер данного магазина — суть одно лицо. И хотя не в ее правилах было сманивать чужие кадры, после долгих терзаний она решила встретиться с художником.

Исаак Израилевич, учитель математики по образованию, в годы перестройки переучившийся на бухгалтера, в душе был немного романтиком и фантазером. С его круглого лица почти не сходила добродушная, чуть рассеянная улыбка. Разговаривая, он как-будто прислушивался к чему-то внутри себя, и кивал, соглашаясь то ли с собой, то ли с собеседником. Что, однако, не мешало ему моментально схватывать суть разговора и задавать четкие наводящие вопросы. Он не удивился желанию молодой женщины встретиться с ним, справедливо полагая, что этому есть внятное объяснение. И пока Майка сбивчиво излагала цель встречи, он внимательно слушал, задумчиво почесывая толстый, с горбинкой, нос. Затем задал два вопроса, озадачивших ее. Первый: зачем ей это надо? И второй: позволит ли она вырезать ее портрет?

Майя ответила. И получила согласие. Кроме того, она избавилась от угрызений совести, узнав о грядущей отставке экс-математика. «Смена поколений, знаете ли, молодые наступают,» — с понятной грустью объяснил он.

Так в их команде появился пятый член коллектива. Он прекрасно справлялся со своими непосредственными обязанностями бухгалтера, виртуозно сочетая их с немалым

опытом методиста. Несмотря на возраст, Исаак Израилевич поражал свежим, неординарным взглядом на многие вещи и явления. Частенько его подсказки кардинально изменяли уже написанные пресные сценарии, делая их более увлекательными, подчас даже на грани фола. И это срабатывало. В этом он очень походил на Алинку, мыслящую спонтанно и оригинально. Может быть поэтому никто не удивлялся его негласному шефству над девушкой. Та же, в свою очередь, охотно помогала ему, выполняя мелкие поручения, от покупки мелкой канцелярии до заваривания столь любимого им зеленого чая.

Маленький дружный коллектив начал свою работу.

КАФЕ. НЕУЛОВИМОСТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ. РУКИ.

Утро было плотно заполнено срочными переговорами с заказчиками и обсуждением планов на горячий март. За работой первая половина дня пролетела незаметно. В обеденный перерыв позвонила закадычная подружка Лена Комкова и предложила перекусить в крохотном японском ресторанчике за углом. Она работала менеджером в небольшом «карманном» банке, слыла неплохим специалистом и могла позволить себе обеденный отдых в дорогой забегаловке. Карамышева, отскочившая на полчаса в «Библио-Глобус», обещала присоединиться чуть позже, и Майка, пришедшая

раньше подруг, заняла столик у окна. Она была здесь всего один раз, в большой веселой компании, и не запомнила подробностей интерьера. Теперь же, неторопливо оглядываясь, она отметила простой, но изысканный дизайн помещения, чудесное сочетание оливкового и бежевого цвета в отделке стен и лаконичную комфортную мебель, что было достаточно редко в ресторанах такого типа. Изобилия бамбука и красных гуашевых иероглифов, слава богу, не наблюдалась, что тоже говорило в пользу декораторов. Официанты, одетые в неброские кимоно, бесшумно сновали по залу, разнося еду на игрушечных лакированных подносиках. Народу в этот будний день было немного, поэтому Майка расслабилась, бездумно глядя на крупный, лохмотьями, снег, медленно кружащий за окном. Еще три месяца назад она бы ликовала, наблюдая такое превосходство зимы, нынче же, после масленицы, уже хотелось горячего прикосновения солнца к запрокинутому лицу и робкого позвякивания льдинок в несущемся ручье.

...— Боже, почему я сейчас не в Италии или Испании, на худой конец не во Франции?, — к столу стремительно приближалась страдающая Лена Комкова. Стройная, высокая, одетая в кремовую норковую шубу до пят, она неизменно привлекала внимание всей мужской половины. Высокие, пятнадцатисантиметровые шпильки с достоинством процокали мимо застывших в экстазе официантов и остановились в полуметре от Майкиных полусапожек. Ленкино искусство

ношения туфельек на высоком каблуке в любых обстоятельствах: в машине, на отдыхе, в течение всего рабочего дня, оставалось для Майи недостижимым. Сама она предпочитала изящную, но удобную обувь.

—Дворники спят, сугробы растут, припарковаться негде. Где же, где же ты, благословенное тепло?

—Лен, в твоей любимой Италии нынче снегу не меньше. Глобальное потепление наоборот, — Майя перелистывала меню.

—Не поверишь, я весну по клиентам определяю. Как только тетки улыбаться начинают, пора менять гардероб,— Лена ухмыльнулась. Впрочем, ее насмешливая гримаска не была обидной, отчасти из-за миролюбивого характера, отчасти по внешним причинам: распахнутые голубые глаза невинно смотрели из-под по-детски припухших век. Верхняя фигуристая губка трогательно выступала вперед, а нижняя была полной и чуточку капризной. Обаятельные веснушки, выступающие каждый год на щеках и носике, автоматически переводили девушку в разряд нежных, лилейных дам, которых хотелось носить на руках и преданно охранять. Образ пастушки не обманывал только близких и хорошо знакомых людей — Лена Комкова могла прекрасно постоять за себя сама.

Незаметно подошедшая Ира съехидничала:

—Да уж, дядьки не показатель. Особенно в твоем присутствии...

—Девчонки, давайте что-нибудь закажем, есть хочется, -

Майя знала, что в словах пришедшей подруги читалось не столько желание уязвить Лену, сколько добродушная ирония. — Я буду соевый суп и «Калифорнию».

Успокоившаяся Ира заказала горячие шашлычки из семги и курицы, Лена- салат из водорослей с ореховым соусом и чашку риса, и некоторое время подруги молча ели, отдавая должное вкусным блюдам. Майя в который раз подумала о несходстве характеров двух женщин, что, однако, позволяло не только крепко дружить на протяжении десятка лет, но и удачно дополнять друг друга. Кокетливую, легкую жизнерадостность Ленки, отнюдь не глупой молодой женщины, иногда было полезно приглушить разумными, немного циничными рассуждениями Ирины. Особенно, когда дело касалось мужчин. И хотя на протяжении вот уже двенадцати лет Лена была верна двоим — мужу Виктору и сыну Андрюшке, образ идеального любовника периодически всплывал в ее мыслях вслух, позволительных на таких вот девчоночьих посиделках.

— Я тут недавно ждала сына после школы...,— наконец прервала молчание Ира,— ...сидела в машине и от нечего делать рассматривала проходящих женщин.

— Почему не мужчин?..

— Народу прошло-уйма...— не обращая внимания на подначку Лены, продолжала Карамышева- ...девушки, молодые дамы, зрелые матроны. Подавляющее большинство симпатичны, хорошо одеты, умеют себя подать. В общем, стандарт

выдержан по всем направлениям. А теперь скажи мне, Жар-Птица, – кивок в Ленкину сторону, – почему ни одна не зацепила мой взгляд?

–Ну ты же сама сказала- стандарт, ничего особенного. Нужно что-то яркое, какая-то изюминка...

Ира задумчиво продолжала:

–Я пыталась уловить – что? Хорошая фигура, походка, умение носить одежду, что еще?..

– Уверенность состоявшейся личности,– включилась в разговор Майя.– Это же так просто! Женщина-личность, которая не зависит от взглядов. Она ценна сама по себе, ей не надо ни под кого подстраиваться. Она такая, какая есть, и это дает ей чувство раскованности, которое стопроцентно улавливают все окружающие...– тут Майка заметила раскрытые рты подруг. Пожалуй, не стоит пугать их обобщениями и намеками на перемены, происходящими с ней в последнее время. Все чаще и чаще она ловила себя на мысли, что вслушивается в себя, как будто ожидая чего-то обещанного. И похожее чувство единственности, неповторимости грешным делом не раз и не два посещали ее, как когда-то в золотой юности. Как будто кто-то нашептывал, как в том сне. Нет, это не тема для застольного разговора, решила Майка и благоразумно попыталась перевести беседу в другое русло:

–Как твои шашлычки?...

–Вкусно. А что касается цариц,– не желала сдаваться Ира,– их единицы. А вот интересных мужиков, на мой

взгляд, гораздо больше.

—Вот уж не поверю,— фыркнула Лена,— в России холеных мужиков просто так, на улице днем с огнем не сыщешь. Они либо на дорогих машинах рассекают, либо в спортзалах толкуются. Клерки с напыщенными щеками не в счет!

—Милая, ты путаешь ухоженность с мужественностью. Я же говорю о некоем магнетизме, личностной привлекательности...

—Ирочка, родная моя, если твой гипотетический мачо одет кое-как, носит нечищеную обувь и победно посматривает на самок- это не критерий привлекательности. И еще,— Лена мечтательно вздохнула,— я бы взглянула на его руки.

Тут Майка непроизвольно улыбнулась. Это была идея фикс Комковой- мужские руки. Будучи студентками, они часто представляли, какими будут их избранники. Эпоха принцев давно закончилась, спутники жизни виделись состоявшимися, надежными и, конечно, привлекательными внешне. Именно в таком порядке. ...«С аккуратными небольшими руками»— слова Елены Прекрасной всегда шли отдельной строкой. При этом она умильно складывала изящные руки с длинными аристократическими пальцами и радостно закатывала глаза. Ленка убила всех наповал, на последнем курсе выйдя замуж за Виктора, шустрого, разбойничьего вида парня с огромными рабочими руками. Знать, сработал тот самый магнетизм, которого было в избытке. А нынешние сентенции, как подозревала Майя, были всего лишь отголоска-

ми давнишних девичьих фантазий. Кроме того, муж подруги давно состоялся и как бизнесмен, и как надежный семьянин, весьма респектабельный внешне. Именно в таком порядке.

Заметив ее улыбку, подруга надулась:

—Ничего смешного. Вспомни, как ты сама упала в такие ручки!

—О чем это она?— удивилась Ира.— Ты мне ничего не рассказывала.

Пришлось Майе поведать давний эпизод, произошедший пару лет назад...

Ницца. Отдых. Машина с московскими номерами.

Тем летом долго решали, где отдыхать. На дворе был кризис, и, как это водится у добрых славян, вместо того, чтобы зажать свои денежки, все ринулись проматывать сбережения на дорогих курортах и экзотических пляжах. Майке и не пришло в голову сопротивляться, когда муж предложил отдохнуть на юге Франции. Канны, Ницца, Сан-Тропе, Монако — эти названия звучали многообещающе и очень волнующе. Майке было немножко страшновато — несмотря на богатый опыт путешествий, она робела при мысли о набережных, забитых роскошными дамами и загорелыми мужчинами. Этакий бендеровский вариант Рио-де-Жанейро у Майки в голове. Конечно, она посмеивалась, обзывала себя провинциалкой и наивной, но все равно побаивалась этой поездки.

Результатом стал ворох ненужного тряпья, закупленного в дорогуших московских магазинах, одна элегантная шляпка и масса сомнений...

Все оказалось куда как проще. Едва выйдя из аэропорта в Ницце, она вдруг расслабилась и наплевала на все условности. То ли выпитая огненная жидкость в салоне самолета, то ли обычные доброжелательные люди и спокойная красивая речь вокруг, но Майка совершенно успокоилась и только вертела головой по сторонам, впитывая легкую, солнечную ауру окружающего мира. Ехать предстояло в Ментону-небольшой, респектабельный курортный городок недалеко от Ниццы, почти на границе с Италией. Их встречали Комковы, приехавшие на пару дней раньше. Уже загорелые, с блестящими от возбуждения глазами, они весело расспрашивали о далекой Москве, погоде и общих знакомых, обещавших выбраться сюда в ближайшие выходные. Майя невольно отвечала на вопросы, все ее внимание поглощали изумительно красивые особняки, виллы, дома и домики, увитые цветущими лианами, окруженные стриженными изгородями и деревцами-шедеврами топиарного искусства. Ни бумажки, ни листочка, ни камешка на ровных дорожках. Все полито, умыто, чисто и сияет благополучием. Аккуратно и добротнo одетые пожилые люди с собачками, молодые красивые пары с детьми, вежливые полицейские – вскоре это уже не интересовало Майку, потому, что она увидела море, его бирюзовую глубину и блески парусников вдалеке. Невообра-

зимое голубое полотнище полого поднималось к горизонту и там сливалось с белесым выцветшим небом. У причалов мерно покачивались огромные белоснежные яхты, окруженные перламутровыми перышками-лодочками. Именно количество гордых быстроходных красавцев убедило Майю, что она в краю миллионеров.

Позже, приезжая на променад в Ниццу, она отмечала про себя и толпы туристов, одетых в универсальные шорты и всевозможные майки, и элегантных дам в обманчиво простых платьях, которые с элегантными же мужчинами по вечерам переступали пороги изысканных ресторанов. Народ гулял вдоль моря, смеялся, фотографировался на фоне яхт, пальм, красивых зданий- все, как обычно летом, у теплого моря. Хотелось многого: увидеть великолепный «Негреску» с его знаменитым огромным ковром, «тянувшим» на 1/10 всей стоимости отеля (как оказалось впоследствии, сего чуда уже не было «в живых»), музеи Шагала и Матисса, русский собор с его тремя одинокими березками на чужбине.

Вскоре Майка сбросила свои дизайнерские одежды, натянула маечку и шорты и с наслаждением гуляла по набережным Ментоны и Ниццы. Взяв машину, они с мужем проехали вдоль всего побережья Французской Ривьеры, начиная с Марселя (возбуждающе -красивого, большого портового города, довольно чистого, в отличие от грязного итальянского собрата-Неаполя), через Канны (который оказался куда как скромнее своих именитых соседей), далее проездом че-

рез Монте-Карло (запах денег тут ощущался даже в асфальте прогулочных дорожек) и заканчивая уже Сан-Ремо, немного растрепанного, но такого мило-итальянского.

Летняя нега расслабляла, переключая внимание с навязших проблем на приятные мелочи, наподобие заинтересованных взглядов засушенных француженок на ее подтянутого, холеного Сережку, или внезапный сбой сердца от прикосновении мужской руки, поддержавшей ее при падении.

...Это случилось в Ницце. Она засмотрелась на сюрреалистическую композицию из стиральных барабанов у входа в маленький ресторанчик. Сережка, шедший рядом, что-то толковал о странностях русской души, видимо имея в виду черный джип с- ...-о,мама миа!– московскими номерами, стоявший тут же, а молодая женщина уже летела вниз, споткнувшись о выступающий камень мостовой. Слава Богу, идущий навстречу человек успел схватить ее и потянуть на себя, уберегая от неминуемого падения. Майка, ошалев от неожиданности, с разбегу ткнулась носом в теплое и крепкое плечо. Жаркая волна стыда и смущения обдала с ног до головы, и, наверное, от этого она на секунду потеряла чувство реальности.

... И в этот коротенький миг привиделось Майке, будто стоит она посреди просторной светлой горницы в доме отца, знатного воеводы, и цепенеет от страха неизвестности. Лиф сарафана, расшитый голубым шелком, теснит грудь, жемчужная повязка сдавливает голову и исподволь подступает

паника. Милая сердцу обстановка отчего дома вдруг кажется ловушкой и хочется поскорее выбраться на воздух, к ясному солнышку и вольному ветру. Дородная нянька мечется из угла в угол, заканчивая сборы к приезду сватов. «Детонька моя, сказывают, князь тоже пожаловал, не терпится ему невесту увидеть. Вот своевольный!», – и девушка наконец срывается с места. Перед ней мелькают ступени лестницы – еще несколько шагов, и она будет в безопасности, далеко от знатного чужака...

Гостевая комната полна народу, а у входа, отрезая пути отступления, стоит высокий человек в светлых одеждах. Он опирается рукой о притолоку, и спокойный взгляд серых глаз лучше всяких слов говорит об уверенности и силе. И нет нужды убегать: сердце-вещун уже рванулось навстречу и приняло его целиком, с насмешливыми глазами и чуть тронутыми легкой улыбкой губами, мгновенной способностью оценить ситуацию и готовностью не замечать испуганную девушку. Юная невеста ощущает, как неизведанное ранее чувство принадлежности поднимается изнутри и лишь возвращенная с детства гордость не позволяет ей приблизиться к нему...

...Майка опомнилась на французской набережной, с закрытыми от неловкости глазами и одной-единственной крутящейся мыслью в голове: «Держи, не отпускай меня!» «Я держу, не бойся!», – прошептал незнакомец на чистейшем русском языке.

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ. ХРАНИТЕЛИ.

—Уважаемые Архивариусы! Немедленно сделайте что-нибудь! Она не должна вспомнить это!...

—Учитель!?...

—Он слишком силен, но я попробую... Помогайте, коллеги!

* * *

Когда все происходит в доли секунды, немногие способны что-то предпринять. Откуда в подобном респектабельном месте мог появиться этот воришка на быстром велосипеде? Воспользовавшись удобным моментом, он схватил ремешок сумки проходившей мимо дамы и со всей силы дернул на себя. Началась суматоха, и очнувшаяся от наваждения Майя, пробормотав слова благодарности, поспешила ретироваться подальше от места конфуза. От смущения она даже не посмотрела на поддержавшего ее человека, о чем немного жалела. Запомнился лишь узкий шрам на правой кисти, переходящий на запястье, да голос, странно знакомый, будто слышанный много-много раз.

Лена Комкова наблюдала всю сцену со стороны. Ее цепкий взгляд зафиксировал и раздосадованного (не успел!) Сергея, и ошалевшую (она что-то пропустила?) подругу, и мужика, невозмутимо севшего в тот самый джип с московскими номерами. В отличие от Майи, она успела рассмотреть и оценить внешний облик незнакомца, что доставило

ей кучу положительных эмоций. «Ты красиво падала,— сказала Ленка позже, когда мужья ушли на пляж,— но так бездарно рванула от него. Я бы в таких руках пролежала минимум час!» Еще несколько дней она описывала Майке серые глаза и уверенную походку, затем чередой прекрасных дней закружила и растворила пикантные детали в солнечном сиянии французского лета.

...— Ну вот и вся история. А нам уже пора,— Майя, оплатив счет, потянулась за пальто.

—Погоди, погоди,— Лена торопливо схватила подругу за рукав.— Присядь на минутку, я за приятными воспоминаниями совсем забыла об одном деле!»

... — О деле?— Майка с Ирой переглянулись. — Твой босс решил провести утренник для банковских служащих? О пользе здоровых привычек?

— Да ладно вам, девчонки!— Ленка улыбнулась.— Занозы! Это личное. Двоюродная сестрица Вити отхватила-таки себе принца мечты, он владелец сети стоматологических клиник. Встречались полгода, теперь собираются пожениться. Парень состоятельный, исполняет любую ее прихоть, даже дурацкую. Брак этот первый для обоих, поэтому они хотят не просто свадьбу, а что-то особенное, чтобы запомнилось на долгие годы. Не ресторан, не круиз, не Екатерининский дворец. Необычное.

—СИЗО, пикник на обочине, поцелуй в небесах, -насмешливо протянула Карамышева. Обычно спокойная, она сего-

дня была немного на взводе, очевидно, семейные неурядицы не проходили для нее даром. Майя незаметно положила руку на плечо подруги.— ...А мы здесь при чем?

— Вообще-то они славные ребята,— Комкова пожала плечами. — Клим увлекается славянскими единоборствами, Ольга-портниха в театральной мастерской. Наверное, поэтому они решили, что это будет старинный русский обряд где-нибудь на природе.

— Лена,— осторожно сказала Майка, — мы не занимаемся организацией свадебных торжеств. Для этого требуются определенные знания, специфическая подготовка, другая материальная база. И если я правильно поняла, они не хотят банального выкупа-прикупа, встречи с хлебом-солью, традиционного зазывалы и так далее. Им нужен языческий обряд?...

Комкова молча кивнула головой.

— Ладно, есть у меня знакомая, которая специализируется на подобного рода праздниках. Попробую связаться с ней и выяснить, что к чему. А теперь нам действительно пора. Поцелуй своих мальчишек!— помахав рукой на прощание, молодые женщины направились к выходу.

Больше в этот день ничего знаменательного не произошло. Если не считать того, что в город пришла ранняя весна.

Март. Поселки. Дух садов.

Как только в воздухе появлялись свежие, горьковатые

нотки набухающих почек, и из-под закристаллизовавшихся сугробов начинала сочиться влага, Майка открывала сезон загородных поездок.

Не в гости на дальние дачи, не на вылазки с шашлыками на свежем воздухе, а в одинокие поездки с головокружительным ощущением побега в неизведанное, подальше от ежедневной рутины и городской маеты.

Сережка посмеивался над ней, называл бывалой путешественницей, но в попутчики не набивался, зная, как ценила она эти часы одиночества. Единственными ограничениями, на которых он настоял, были недалеее расстояние и светлое время дня. Майя никогда не выбирала заранее маршрут, только направление и приблизительный километраж, что позволяло ей в полной мере ощущать азарт искательницы новых путей. До кольцевой дороги она еще прокручивала в мозгу все нерешенные за день проблемы, за МКАДом же в голове постепенно прояснялось, и оставалось лишь радостное ожидание, которое дарила дорога. Это жило в ней с первого настоящего путешествия, совершенного в детстве.

...Родители были совсем молоды, когда Майка появилась на свет. Они бурно радовались первому прорезавшемуся зубику, первым попыткам сесть, первым шагам. Девочка росла и развивалась точно по графикам, изученным вдоль и поперек в педиатрических кабинетах. Единственное, что огорчало— дочка не хотела говорить. Специалисты в один голос твердили об отсутствии проблем, о живом характере ребен-

ка, ее развитием мышления, девочка же молчала и в три, и в четыре, и в пять лет.

Ситуация изменилась, когда в семье появился дед, отец мамы. Михаил Антонович привязался к внучке всей душой. Он терпеливо возился с ней сутки напролет, рассказывая были и небылицы, непонятные поговорки и смешные стишки:

Стойте, стойте, детки, Дайте только срок.

Будет вам и белка,

Будет и свисток.

Дед таскал ее в зоопарк, планетарий, музеи. Все ближайшие парки и скверы были исследованы на предмет наличия певчих птичек и прыгающих белок. Незаметно дед провоцировал внучку на произнесение сначала отдельных звуков, потом слов. Праздником был день, когда Майка, смеясь, прокричала:

—Деда, смотри, дятел прилетел!

Зимой они катались на лыжах, летом наматывали круги на велосипедах. И вот настало время для настоящего путешествия.

Ей исполнилось семь лет, когда дед решил навестить родные пенаты и заодно показать внучке дом, где родился. Деревня находилась недалеко, в двадцати километрах от города, поэтому родители без возражений отпустили старого и малого. Довольные путешественники ехали в переполненном рейсовом автобусе, который неторопливо катил мимо зеленых полей, березовых рощиц и маленьких, на десять-

двадцать домов, деревушек. Останавливались часто, возле каждого поселения, чтобы высадить то бабульку с хрюкающей рогожкой, то краснощеких молодiec с лукошками, крытыми белой хрустящей марлей- начинался сезон ягод. В салон же садились веселые дядьки с замасленными корявыми руками и обалдевшие от летнего зноя подростки с полотенцами на плечах. Духота и мерное покачивание старенького «Пазика» вскоре сморили девочку, и она задремала на плече у деда...

...Ей снились белые лошади, пасущиеся на утреннем лугу. Полупрозрачный туман подбирался прямо к головам величественных животных, они то и дело окунали в него свои морды. В какую-то минуту белесое полотно разорвалось, и в просвет Майка увидела смешного жеребенка на тонких, голенастых ножках. Он тыкался широким влажным носом в выпуклый бок большой светлой кобылицы, требуя ласки и внимания...

...Раз, другой, третий...

...Девочка окончательно проснулась от четвертого толчка, после которого ветеран автомобильной промышленности остановился. Как выяснилось, окончательно. И пришлось Майке с дедом дальше топать пешком, благо до заветного места оставалось всего пара верст. Чтобы скоротать путь, они свернули с асфальтовой дороги на грунтовую, набитую подводами с сеном да колесами редких легковушек. День клонился к вечеру, и окружающие деревья, кусты вдалеке,

даже облака в небе были окрашены в мягкий оранжевый отсвет заходящего солнца. Воздух наполнился медовыми ароматами луговых цветов, не резкими, а обволакивающими и пьянящими. Где-то, на близкой опушке леса, тренькали запоздавшие птицы, их негромкие уже трели перебивал крепнувший хор вечерних цикад. Девочка шла вслед за дедом, довольно шустро семенившим по пустынной дороге. Через полчаса легкие сандалики переключались в дедову сумку, и девочка продолжила свой путь босиком. Она шла по нагретой за день дороге, чувствуя, как пушистая пыль крохотными фонтанчиками вспухает между пальцами босых ног.

Дед рассказывал смешные истории, чтобы отвлечь внуку от скучной, как ему казалось, дороги. Внезапно он остановился и пальцем указал в сторону заходящего солнца. У девочки захватило дух: на огненном блюде закатного неба, неловко раскинув ноги, скакал жеребенок из сна. Только был он не молочно-белый, а золотой, как бы сотканный из переливающихся бликов. А изумрудная каемка преломленного вечернего света мягко обрамляла небесную картину. Иллюзия... подсвеченное облако,... но оба: и старый, и малый, застыли, застигнутые врасплох небывалой картиной природного бенефиса.

Остаток пути они прошли молча, каждый по-своему вписывая эти минуты в изменчивую память: пожилой человек с грустной улыбкой, и внучка – с бессознательной легкостью, которая и через годы не позволила ей затереть волшебные

воспоминания...

Как бы то ни было, но жажда новых ощущений каждую весну толкала Майку в дорогу. Она любила мчаться по трассе навстречу упругим березовым аллеям у обочин, окунаться в распаханное пространство зеленеющих полей и послушно сбрасывать скорость, любуясь идиллическими картинками сельского быта. Это могли быть как полузаброшенные деревеньки, так и камерные частные поселки, не те, что из разряда прямолинейно спланированных больших муравейников, а тихие, таящие внутри непередаваемое спокойствие и уют. Даже на расстоянии Майка чувствовала, в каком ладу находились хозяева сами с собой и с домом. Особенным показателем для нее были растения: они, начиная с цветов и кустарников и заканчивая уже зрелыми деревьями, лучились здоровьем и красотой. Эти сады выделялись даже не степенью ухоженности, а, скорее, мерой вложенной в них любви. Неважно, садовника ли роскошной усадьбы, «шестисоточно-го» хозяина или простого деревенского жителя.

Майка давно отметила, что подобные цветущие сады издавна окружали намоленные места: церкви, монастыри, места паломничеств. Такие маленькие райские уголки, обычные в благополучных европейских странах, еще нечасто попадались на ее пути, что было странно при огромном количестве обустроенного жилья в Подмосковье. Видимо, думала Майка, это придет со временем, когда люди начнут строить дома не торопясь, с достоинством, со вкусом обдумывая

как расположение зданий, так и место для родовых деревьев.

ДОМ. РЕКА. НАВАЖДЕНИЕ.

...Однажды, совершая очередную вылазку, она наткнулась на Дом. Вернее, к нему вывела дорога, выходящая вдоль реки. Он сразу поразил ее, влюбил окончательно и бесповоротно. Глядя на него, она вспоминала полуразмытые пастельные пейзажи в духе рождественских открыток и новогодних перекидных календарей, нарисованных очарованным художником Томасом Кинкейдом. Нет, он не был пряничным, с арочными окошками и пухлой соломенной крышей. Он не следовал «букве» тех картин, скорее духу. Может, дело было в том, что Дом стоял над бойкой речушкой, чьи воды отражали берега, поросшие высокими деревьями? Или в горбатом каменном мостике чуть в стороне, на котором не разъехались бы две машины? Река в этом месте была необычная, говорливая, с особой энергетикой. Прозрачные струи, сквозь которые было видно темное дно, устланное опавшими листьями и коряжками, завораживали дивной песней, от которой терялось ощущение реальности. Прошлое, настоящее и будущее сливалось тут вместе, обещая исполнение самых сокровенных желаний.

А может, ее внимание привлек такой нетипичный для этой полосы России облик гордого здания? Он стоял поодаль от других владений, отличаясь так, как просто одетый аристократ отличается от разряженной толпы нувори-

шей. Никаких башенок, массивных колонн, псевдолепнины и нагромождения замысловатой ковки. Благородная простота линий, большие окна в сдержанном коричневом обрамлении, за которыми угадывалась изысканная драпировка, облицовка фасада светло-желтыми пластинами натурального камня, явно дорогого и привезенного откуда-то с юга Италии.

Майя дала бы голову на отсечение, уверенная, что за каменной оградой ступенями вниз, к реке, спускается необыкновенный сад, утопающий в зарослях рододендронов, цветущей перламутровой сирени и огромных кустов царственной гортензии, высаженной вдоль дорожек, мощенных натуральным же камнем. И неяркие, теплые полукружия света на старых розовых кустах под распахнутыми вечерними окнами виделись ей, в легком оцепенении сидевшей за рулем своей машины. Она доверяла своему шестому чувству, кричавшему, что хозяин или хозяйка этого Дома несомненно близки ей по духу, и связаны с ней некой невидимой прочной нитью, угадать которую не представляется возможным.

Она хотела попасть внутрь- и боялась обмануться. Горела желанием заглянуть сквозь французские окна вглубь дома- и опасалась разочарования. Мечтала познакомиться с владельцами, но не представляла себе, как такое возможно. Чтобы погасить снедающее ее желание и безумное любопытство приходилось прокладывать свои маршруты все дальше и дальше от этого места. Но ничего не могла с собой поде-

лать, возвращалась вновь и вновь. Пожалуй, это была единственная тайна, которую, по непонятной для себя причине, она не торопилась открывать Сережке. И, похоже, это ее немного пугало.

Майка поняла, что нужно приезжать сюда только в исключительных случаях. Ни хандра, ни ностальгия, ни странная тяга к Дому не могли заставить изменить это решение. Как волнующее предвкушение хранила она свои прекрасные воспоминания, думая о нескором возвращении. Как оказалось, она ошибалась...

АПРЕЛЬ. ЖАВОРОНКИ. МУЖЧИНА . РИСУНОК

Прямая стрела шоссе разрезала лесной массив надвое и убегала далеко вперед, бугрясь у горизонта драконьими извивами. В слепящем свете апрельского солнца асфальтовое покрытие дороги блестело слюдяными чешуйками и гладкими боками гудроновых потеков. Пряди прилегающих лесов расступались перед машиной, скрывая стекающие в стороны незаметные тропинки и узкие грунтовые дороги, которые вели на поля. Там, на жирных черных лоскутах земли, где повыше и посуше, уже всюду шевелилась тарахтящая техника, а в сырых и топких низинках еще стыла прозрачная и чуткая тишина. Тракторы в этих влажных местах появлялись только к середине мая, когда колеса могли свободно передвигаться по подсохшей земле, не увязая в грязных лужицах. Ныне же пропитанная влагой почва спокойно и величаво отдыха-

ла. Стоящая в межах вода отбрасывала переливчатые блики на стволы и кроны придорожных деревьев, а вершинки нарезанных с осени гряд, наоборот, жадно поглощали солнечное тепло, обещая взамен щедрый и здоровый урожай. Земля была похожа на неотжатый лоснящийся творог, который хотелось намазать на ломоть хлеба.

Короткая грунтовка заканчивалась как раз у такого нетронутого прямоугольника, километрах в пяти от основной трассы. Сюда уже не долетал гул бессонного транспорта и иные, не природные звуки. Разве что шуршание тяжелых шин одинокой машины, добравшейся до одному Богу известной цели. Мягко щелкнула открывающаяся дверца, и на поросшую нежной травкой обочину легко выпрыгнул русоволосый мужчина лет сорока. Росту он был приметного, два метра без малого, но ладные пропорции фигуры и продуманная, уверенная координация движений не позволяли назвать его долговязым.

Внешняя привлекательность мужчины таилась не только в подтянутой фигуре и классической лепке лица. Стального цвета глаза излучали умеренное любопытство и спокойную силу, присущую уверенным в себе людям. В глубине зрачков иногда проскакивали смешливые искорки, которые говорили о несомненном присутствии чувства юмора. Об умении быстро обобщать и анализировать факты свидетельствовал внимательный, несуетливый взгляд, который вбирал максимум информации. Высокий рейтинг привлекательности за-

вершал твердый упрямый подбородок с глубокой волевой ямкой посередине.

Впрочем, самого мужчину мало волновали аспекты собственного внешнего вида. Он намеренно свернул с шоссе на полузаплывшую грунтовку, чтобы побыть наедине со своими мыслями и подпитаться аурой огромного открытого пространства, пронизанного теплом и светом. Желание подышать свежим воздухом в чистом поле не было чем-то таким уж экстраординарным. Это соответствовало духу и нынешнему настроению человека. Обычно это удавалось сделать гораздо позже, в мае, когда начинались работы на его основных рабочих объектах. Нынче же он возвращался из загородного дома сестры и дивился бурному наступлению тепла. На календаре значилось пятнадцатое апреля, а березовые стайки на обочинах уже окутались зеленым пухом. Неожданному теплу вторили и ранние дымки весенего пала, и удивительные по красоте ковры распутившихся первоцветов, тоже преждевременные. По характеру своей работы мужчина знал, что следом за негаданным теплом обязательно придет волна холодного воздуха, и нежные перламутровые венчики поникнут, станут полупрозрачными от губительного коварства. Но в этот день хотелось поддаться солнечному безумию весны, празднующей скрытые от людского внимания даты.

Человека заинтересовала небольшая стайка птиц, неподвижно зависших в бирюзовом небе. Из-за непомерной высоты полета они казались крохотными точками. Жаворонки,

в чью честь пекли булочки на Благовещение. Пернатые, которые по легендам южнороссов, возвращаясь из теплых краев, несли с собой тлеющие угольки и роняли их на землю. Так появлялись проталины и начиналась весна. Перестарались, птицы, улыбнулся мужчина. Он присел на корточки, длинными, сильными пальцами скатал в шарик податливую землю. Сделал это автоматически, следуя профессиональной привычке. Так когда-то на Руси проверяли готовность матушки-земли к весенним работам.

...Мысли возвращались к дате. ...пятнадцатое апреля... Что-то было связано с этим днем, но пока не напрямую, косвенно. В птичьих трелях, падающих с неба, слышались отзвуки женского смеха, тающий шепот. Пряный аромат травинки, растертой вместе с комком земли, вплетался в сонм звуков и запахов пробудившейся природы и обещал новые интригующие события.

...«Эх, хорошо- то как!»— мужчина упруго вскочил на ноги, потянулся, завел руки за затылок. Игривый ветерок скользнул по колючему краешку подбородка, дотронулся резко очерченных губ, прошелся по прямому носу с крупно вырезанными ноздрями. Запутался в откинутых назад русых волосах, поиграл там и улетел прочь, довольный увиденным. Вместе с ним отлетели навязшие мысли о рабочих проектах, грядущих командировках и неотложных делах. Их место заняло ленивое философствование о целесообразности весенней красоты, о самой Весне, как аллегорической фи-

гуре. «Сколько народу писало Весну! Разные типажи, от ясноглазых прелестниц с развевающимися локонами до пышных селянок с зелеными очами. Несомненно у всех персонажей был силен чувственный посыл: весна- начало, зарождение всего живого! Редко кто думает о хрупкости расцветающей юности, нежности и печали первоидущей, – Мужчина представил себе тонкую женскую фигурку. Руки зачесались от желания схватить карандаш и сделать набросок.— ...Сначала лицо- небольшой овал с чуть выступающими скулами, глаза- не греховно-зеленые, а теплого, светло-коричневого цвета, с ореховыми полосками. Голубоватые чистые белки. Ресницы, длиннющие у висков. Кожа с еле заметным мерцающим румянцем на щеках и бархатистая на кончике слегка вздернутого носа. Губы...»— тут он забыл о девственной чистоте мысленного образа и представил себе портрет конкретной женщины...

Удивился. Недоверчиво хмыкнул. Попробовал абстрагироваться от возникшего образа. Но у него ничего не получалось. С вернувшимся порывом ветра опять донесся девичий шепот, полустон- полувздых. Окреп шелестом сброшенных одежд. Ожег душу позабытым зовом. Потребовал даров памяти. «Почему именно сегодня, пятнадцатого апреля?..»

Солнце ощутимо переместилось на небосводе. По всему выходило, что мужчина пробыл здесь два часа. Как две минуты. Он постоял еще, вслушиваясь в насыщенную тишину, но так и не получил ответа. Пора было возвращаться.

По приезде домой, в московскую квартиру, он выполнил свое желание. Так появился первый рисунок...

ИЮНЬ. ПЕРЕМЕНЫ. РЕЦЕПТЫ.

Как-то, сидя на бесконечных переговорах с партнерской фирмой «Отдых от Стромыниной» (ее владелица, давняя знакомая Майи, согласилась организовать свадьбу кузины Комковых), Майя обратила внимание на безучастное выражение лица Иры Карамышевой. Видимо, ее брачный союз семимильными шагами приближался к концу. Молодая женщина осунулась, похудела, было заметно, что ее постоянно гложут тягостные мысли. От прежней веселости не осталось и следа.

Перемену заметили и на работе. Конечно, никто не лез с расспросами и сочувствием, но проблему обсуждали и в переговорной, и в комнатке у Юлии Павловны. Майя была категорически против пересудов, стремясь оградить Ирину от лишних переживаний. Но в маленьком коллективе сложно скрыть какие-либо субъективные оценки, эмоции, личные версии происходящего. Особенно, если дело касалось не чужого тебе человека. В общем и целом все сходились во мнении, что карамышевский супруг- идиот и не видит дальше своего...гм...носа, а Ирине необходимо что-то предпринять. У каждого находился свой рецепт выхода из кризиса. Алина со свойственным ей максимализмом громко фыркала и заявляла об огромной армии мужиков, ждущих за внеш-

ними стенами своих фей, муз и предводительниц. Ее как-то не смущал факт наличия у Иры двоих детей и волнительный переход через тридцатилетний рубеж:

...— Почему умная, красивая и хорошо зарабатывающая женщина должна терпеть рядом с собой парня с «Виагрой» вместо мозгов?— громко вопрошала она Юлию Павловну, которая испуганно косилась на тонкие офисные перегородки и делала предупреждающие знаки.— ..Я бы не держалась за него, а заставила страдать...

В этом месте Алинка на минуту задумалась, а потом просияла найденным решением:

— Например, пошла бы на курсы стриптиз-танцев или в школу восточного танца. А потом невзначай показала свое умение и дала от ворот поворот. Ну или что-нибудь в этом роде...

Подумав еще пару минут, она нашла тему разговора неинтересной и моментально улетучилась, после чего в офисе стало тихо и скучно. В своем углу Исаак Израйлевич молча терзал клавиатуру компьютера, составляя смету на предстоящие выпускные балы, а осторожная Юлия Павловна тихонько вздыхала, размышляя о вечном женском вопросе «Что я сделала не так?». Двадцать лет назад она развелась с мужем, оставшись с маленьким Семеном на руках. В материальном плане они не пострадали, благодаря стабильным заработкам Юлии Павловны, но эмоциональная обделенность и одиночество наложили свой отпечаток на дальнейшую жизнь.

Юлия Павловна твердо знала одно: будь у нее еще один шанс, она ни за что бы не прогнала своего непутевого Федора, простила мелкие и крупные грешки, привязала узами любви и семейного уюта.

... «Милая девочка,— мысленно оппонировала она Алинке,— у тебя все еще впереди: и тепло супружеской постели, и совместные мысли наперегонки, и возможные муки ревности. Только после этого ты станешь взрослой женщиной и научишься ценить и беречь годы, проведенные вместе. А пока не тебе судить...»

Со стороны за мучительными раздумьями завхоза тайком наблюдал коварный математик. Как и любой мужчина, он мыслил конкретными категориями, поэтому предпочитал не разводить дискуссии, а дать толковый совет. Впитавший мудрость своего народа, Исаак Изральевич сумел повернуть это поистинне виртуозно, как это ему казалось. Улучив момент, когда в офисе осталась одна Карамышева, он сотворил со своего мобильного звонок на рабочий телефон и принялся громко разговаривать с воображаемым абонентом. Хитрец стenal и жаловался на свою жену, задумавшую сделать капитальный ремонт в городской квартире:

—Нет, ну посуди сам, ведь это революция в отдельно взятой семье! Знаешь,— тут он заговорщицки понизил голос,— я ни о чем теперь думать не могу, забросил даже шахматы, рыбалку и баню с друзьями. Обои, краска и ламинат мне снятся по ночам, и это только начало! Странное дело, но я вошел во

вкус, сам процесс мне нравится все больше и больше...

Майка, вернувшаяся с обеда, остановилась в дверях и с удивлением слушала вошедшего в раж обычно спокойного бухгалтера. Она прекрасно знала, что брезгливый Исаак Израйлевич никогда не посещал бань, а уж рыбу он любил исключительно в виде готового блюда на столе. В громком голосе и излишней горячности наблюдался явный постановочный эффект, рассчитанный на кого-то постороннего. Майя сделала пару неслышных шагов вперед и заглянула за полуоткрытую дверь соседней комнаты. Там, уткнувшись невидящим взглядом в ежедневник, сидела Карамышева. Казалось, до нее не доходит ни одно слово, произнесенное сердобольным математиком. И все же Майя была благодарна старику за участие, пусть такое неуклюжее и не совсем уместное. Хотя, как знать, зерно здравого расчета в завуалированном послании было...

– Видимо, пришло время позвонить Лене, – подумала молодая женщина. Несмотря на собственные принципы невмешательства в личную жизнь подруг, она не могла просто смотреть, как страдает Ирка. Ирка, которую Майка всегда знала веселой и задорной. « Не бывает тупиковых ситуаций, – это же ее, карамышевские слова, – где есть вход, там должен быть и выход! ».

Майя целый день раздумывала, стоит ли обсуждать эту тему с мужем. Если с Комковыми их связывала давняя дружба, то Олега Карамышева, мужа Ирины, Сергей знал плохо,

встречались несколько раз в общих компаниях, да пару раз пересеклись на театральных премьерах, куда их затащили супруги. Точек соприкосновения в бизнесе у них тоже не было, Сережку с его заводом холодильного оборудования никак не волновали вопросы строительных инвестиций и перспектив. Да и Ирина давно уже не стремилась ввести мужа в их круг. В общем, толку от его советов было мало, поэтому вечером она решительно набрала номер телефона Лены...

ЛЕНА. ХИТРОУМНЫЙ ПЛАН. ХОББИ.

Подруга в этот момент пребывала в прекрасном расположении духа. Еще бы, ведь она занималась любимым делом-творила очередной кулинарный шедевр. Ее дорогие мальчишки, муж и сын, должны были скоро прийти с вечерней прогулки, так что времени для выпекания рулета с ореховой начинкой оставалось совсем мало. Лена порхала между скляночками с драгоценными приправами и специями, банками с мукой, сахаром и крупами, наугад выхватывая длинными пальцами то щепотку молотой корицы, то горстку растертых орехов, то жменьку отборного янтарного изюма. Все необходимые ингредиенты для приготовления разнообразных блюд покупались, привозились с дальних стран и хранились с некоторым фанатизмом, что, впрочем не встречало никакого сопротивления со стороны мужчин. Обладая изысканным вкусом, Лена даже посуду подбирала соответствующую: жгучие перцы, коих у нее было около десятка видов,

хранились в глиняных, цвета топленого молока, обливных горшочках с плотно притертыми крышками, изготовленными на заказ белорусским мастером. Для имбиря, корицы и гвоздики она использовала темные стеклянные баночки с замысловатыми вензелями- творения немецких стеклодувов, а уж для дорогих натуральных пряностей- шафрана, кардамона и натуральной ванили не пожалела безумно дорогих склянок, купленных в антикварном магазинчике на Елисейских Полях. Впрочем, и собственноручно собранные, засушенные и растертые травки, такие, как базилик, душица, тимьян и чабрец, нашли свое место в итальянских керамических горшочках цвета мяты.

Все это великолепие прекрасно вписывалось в ее светлую, в стиле Прованс, кухню, где она была богиней и полновластной хозяйкой. Лена часто ловила себя на мысли, что процесс приготовления того или иного блюда ассоциируется у нее с некими воспоминаниями, эмоциями или просто размышлениями. Однажды, записывая для сослуживицы рецепт низкокалорийного салата, Лена неожиданно для себя добавила пару вольных строк. Затем увлеклась и написала некое подобие маленького рассказа. Это был забавный опыт, который запомнился. В следующий раз озарение пришло, когда она готовила соус песто. М-м-м, раскованное и весьма милое воспоминание. И опять в ход пошли тетрадь с ручкой...

Лена никому не рассказывала о своем неожиданном увлечении. Всегда стремившаяся к совершенству, она боялась

показаться смешной и наивной со своей писаниной. Порой она вздыхала, украдкой поглаживая разбухающую тетрадь. Виктор, обожающий стряпню жены, даже и не догадывался, что Ленино увлечение кулинарией перешло на более высокий, уже не столь приземленный, уровень.

Майкин звонок застал ее именно в такой момент- посреди готовки и со свежей идеей в голове. Рождался план написания итальянского рецепта. Дальнейшие слова подруги на время отодвинули мысли об ингредиентах, их дозировке и способах приготовления.

Майка начала издалека. Сначала она рассказала, как обстоят дела со свадьбой родственницы Виктора. Катя Стромынина, владелица фирмы свадебных услуг, взялась за организацию торжества, но при условии готового оригинального сценария. Предваряя охи и ахи подруги, Майка сообщила , что написание сценария и проработку деталей она взяла на себя (в качестве взаимовыгодной услуги, пояснила Майка терпеливо слушавшей Лене), все остальное – предмет договора между заказчиками и фирмой. Затем она продиктовала подробный адрес и номера телефонов Кати и перешла непосредственно к волнующему ее вопросу:

– Ты давно видела Иру?

– Пару недель назад. Она приходила по поводу открытия частного вклада. Что-то случилось?– в голосе Лены еще сквозила романтическая безмятежность.

– Наверное, мне показалось,– Майя уловила отстранен-

ность подруги и заколебалась, стоит ли втягивать ее в чужие проблемы. Она всегда бережно относилась к чувствам других людей, обладая врожденным тактом и чувством меры.

Но Лена уже собралась:

– Рассказывай по порядку, – иногда она умела быть убедительной.

Майка поведала о разладе в семье Карамышевых, своих наблюдениях и о случае в офисе.

– Ну, твой дедуля дает! А знаешь, это ведь идея! – поразительно, но Ленка моментально схватила суть предложенной Исааком Изральевичем аферы. Честно говоря, Майя сама не раз возвращалась к словам старого бухгалтера. Некий план уже прорисовывался в ее голове, но нужна была серьезная поддержка. Скорее, моральная, Майка еще колебалась из этических соображений. Вдруг все пойдет не так, и тогда окончательный развал карамышевской семьи будет на ее совести. Впрочем, думала Майка, она подаст только идею, а уж принимать ее или нет – дело Иры.

План заключался в следующем: необходимо было втянуть Олежку в строительство загородного дома. Странно, но факт – имея несколько роскошных квартир в престижных районах Москвы, Карамышевы не имели загородной недвижимости. Вернее, дом был, старый родительский пятистенок, километрах в тридцати от мегаполиса. Туда свозились дети, когда были совсем маленькими, а родители живы – здоровы. Затем неторопливый дачный отдых сменили редкие

воскресные поездки на шашлыки да глянцевые пляжи на далеких морях- океанах. Последние годы разговоры о новом доме то возникали, то тихо угасали. Олежек, уйдя с головой в свой бизнес и посторонние интересы, уже почти не вникал в дела семьи, а Ирине тем паче было не до стройки.

– Как ты собираешься заинтересовать его?– у Ленки уже загорелись глаза. Она мысленно прокручивала десятки вариантов, тут же отбраковывая самые дикие и нереальные. Практичный ум требовал простого, но верного решения.

– Нужно организовать что-то вроде частной вечеринки в добротном, красивом загородном доме. Непременно дорогом и построенном по последним технологиям. Современные материалы, система «Умный дом», какая-нибудь навороченная техника,– Майка сама удивилась своей решимости. Чем дальше, тем реальнее становился ее план, обрстал деталями и уточнениями. – Настоящего строителя обязательно должно зацепить.

Лена довольно тряхнула головой, признавая правоту подруги:

–Ну, а не зацепит- подтолкнем в нужном направлении. Подключим наших мужчин.-немного подумала, прищулив глаза. – Я, кажется знаю, у кого это можно организовать.

Подруги, как истые заговорщицы, обговорили детали спасательной операции, поделились планами на предстоящее лето и распрощались, вернувшись каждая к своим делам. Ленка достала из духовки поджарившийся рулет, накры-

ла его безупречно накрахмаленной салфеткой и открыла заветную тетрадь. На заложенной лавровым листом странице, вверху, крупными буквами было выведено три слова: ТЕРПКОЕ ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ. И чуть ниже, в скобочках «брускетта». Она подумала пару минут, улыбнулась и принялась писать...

«Высоко-высоко, в знойном небе, кружила неведомая птица. Казалось, она стремилась скрыться от палящего солнца в прохладной выси, но огромные крылья уже устали, и полет медленно переходил в парение. Птица видела сверкающую рябь моря, морщинистое скалистое побережье и пестрые пятнышки рыбацких поселений. Они были разбросаны широко, от берегов с голубым прозрачным мелководьем до курчавых горных вершин. Земля изнывала от полуденного жара, даже камни побелевших от старости домов излучали едва заметную волнистую дымку.

Молодая женщина в легком полотняном платье и сандалиях на босу ногу неспешно брела по узенькой улочке. Та словно вымерла во время священной для южан сиесты.

Девушка обладала красотой, от которой захватывало дух не только у безусых юнцов, но и у особ весьма преклонного возраста. Смуглая кожа, тонкие скулы и темные миндалевидные глаза выдавали в ней уроженку южной части Италии. Гордая стать и спокойный взгляд лучше всяких слов говорили о цельном характере красавицы. Тонкие смуглые пальцы трепетно дотрагивались до горячих шершавых стен, словно

впитывая силу и тепло столетних камней.

Привычные пейзажи маленького средиземноморского городка раскинулись у ее ног. Знакомая с детства улица щедро дарила дивным видом бирюзового моря в просвете черепичных крыш. Из небольших дворигов выплескивались безумно яркие волны экзотических цветов, чьи соцветия, то белые, как фарфор, то красные, бархатные, источали дивный аромат, более густой и тяжелый от жары и влажности.

Юная женщина остро ощущала и другие запахи: горьковатый дымок жареной рыбы из тенистых дворигов; солоноватый, местами резкий запах морских водорослей из залива и свежий аромат молодого вина из маленькой семейной фермы на выезде из селения.

Там, на окраине, улица делала резкий поворот и выпускала, наконец, из раскаленных каменных объятий. Дальше начинались виноградники, зеленые долины и благословенная прохлада небольших оливковых рощиц.

Синьорита улыбалась, ибо знала, что именно там, у серебристых деревьев, во дворе старой- престарой харчевни, навстречу ей выйдет человек с темным от щедрого солнца лицом и глазами синего-синего цвета. Они будут пробовать терпкое красное вино, которым угощают дорогих гостей лишь раз в году, и от которого так кружится голова и сладко замирает сердце. Толстяк-хозяин, смачно целуя кончики пальцев, предложит брускетту, еще горячую, с сочной томатной мякотью сверху. Крупинки соли, смешанные с соком по-

мидоров, перцем и базиликом, будут чуть пощипывать обветренные жадные губы и, попадая на язык, таять с восхитительным вкусом. Ломти белого хлеба, выпеченные и подсушенные в печи, пропитанные оливковым маслом с ароматом пряных трав, заставят забыть самую изысканную кухню.

О, ради этого стоило поступиться прелестями полуденной сиесты и пройти долгий путь к месту свидания!»...

В этом месте Лена Комкова мечтательно вздохнула и зажмурила глаза. Романтический образ неведомой синьориты странным образом просочился в ее душу недавним дождливым утром. Отчаянно захотелось моря, солнца, свежего запаха южных фруктов. Она вспомнила вкус брускетты, как солнечный поцелуй любимой Италии. Захотелось полетать.

Лена еще раз вздохнула и продолжила:

«А вы когда-нибудь пробовали брускетту? В ненастный зимний день? Попробуйте! Она готовится удивительно быстро и просто. В керамическую плошку (ярко-желтого цвета, для создания летнего настроения!), напевая, нарезаем небольшими кубиками помидоры, обязательно спелые, те, которые на срезе отливают серебристым бархатом; туда же руками рвем пахучие листики базилика, легко и непринужденно добавляем оливковое масло из заветной бутылочки и заправляем по вкусу морской солью и белым перцем. Бережно перемешиваем и на 20 минут отставляем в сторонку, давая всей смеси пропитаться божественным ароматом. Французскую булку или чабатту (изумительно вкусный пори-

стый итальянский хлеб) режем на 10-12 кусков, сушим в горячей дровяной печи...ну, ладно, в тостере или в духовке и натираем крепеньким чесноком. Затем предвкушая неземное удовольствие, выкладываем замаринованные томаты на аппетитные хрустящие кусочки и сбрызгиваем оливковым маслом. М-м-м! Блаженство! На 4-6 порций нужно:

Французская булка или чиабатта-1 штука

Чеснок-2 крупные дольки

Томаты-8 небольших штук

Оливковое масло-8 столовых ложек

Базилик-8-10 листиков

Соль и перец – по вкусу.

Наливаем в бокалы терпкого красного вина, зовем друзей и наслаждаемся вкусом замечательного итальянского блюда!»

В этом месте послышался звук открываемой двери- мальчики пришли домой. И тетрадь захлопнулась, скрывая последнюю фразу: «Знойный день сменился теплым влажным вечером, а наступающая ночь звездным крылом укрыла растворяющиеся в Вечности фигуры влюбленных...»

ДВА САПОГА – ПАРА.

В старой, уютной квартирке на Чистых Прудах жизнь текла размеренно и тихо. Негромко журчала вода в водопроводных трубах, с едва слышным стуком передвигались се-

кундные стрелки на потемневшем циферблате вековых часов, скрипела рассохшаяся дубовая планка паркета. Иногда тишину прерывал глухой хлопок закрывшейся внизу подъездной двери или дребезжащее вздрагивание почтенного холодильника в углу прихожей.

Сухонькая пожилая женщина хлопотала на кухне. Пряди черных, перевитых нитями седины, волос были заколоты в тяжелый узел на затылке, круглые карие глаза смотрели живо и приветливо, а очертания губ совсем не портила сеточка тонких морщин, мигом исчезающих, когда она улыбалась. Женщина была одета не в привычный, традиционный для многих домохозяек, застиранный халат, а в аккуратную светлую блузку и коричневую юбку из тонкой шерсти. Чистый, накрахмаленный передник и домашние туфли вместо тапочек говорили о том, что и в нынешней, пенсионной, жизни Мира Борисовна оставалась верной своему профессиональному прошлому. Даже посторонний наблюдатель мигом опознал бы в ней бывшую учительницу.

Когда на лестничной площадке послышался характерный звук приехавшего лифта, Мира Борисовна заторопилась в коридор. Она знала, что это возвращается с работы ее Исаак. Только у него так по-домашнему, с обязательным причмоком в конце, закрывались двери старого подъемного механизма. Как опытная жена с большим стажем семейной жизни, Мира Борисовна следовала трем основным правилам: приветливо встретить, вкусно накормить и только после это-

го с неподдельным интересом расспросить о событиях прошедшего дня. Если же у нее появлялась какая-нибудь нужда или бытовая проблема, то и в этом случае она терпеливо ждала подходящей минуты. Причем подводила к нужному вопросу так умело, что у математика не возникало и мысли возмущаться нехотяти подвернувшейся оказией. Исаак Израилевич прекрасно понимал мудрые уловки, ценил их, поэтому вот уже на протяжении многих лет супруги жили без ссор и крупных разногласий.

Поцелуй при уходе и встрече был давно заведенной традицией. Удивительно, но привычный ритуал не превратился в автоматическое действие. Каждый раз в него в него вкладывался особый смысл: со стороны Миры Борисовны – пожелание удачи в новом проекте, безмолвная просьба беречь себя, спокойная радость при возвращении и тысячи нюансов в разных конкретных ситуациях; у старого математика, помимо молчаливого обещания, что все будет хорошо, добавлялась изрядная доля нежности и заботы. Он умудрялся каждодневно удивляться сохранившейся гладкостью жениной щеки, пыливому, как в молодости, взгляду ее глаз, легким движениям сухих рук, дарящих ощущение надежности и тепла. Возможно, такая духовная привязанность была обусловлена отсутствием у них детей, но, даже смирившись со столь безжалостным ударом судьбы, Исаак Израильевич был твердо уверен – много лет назад ему посчастливилось найти свою легендарную половинку...

Хотя на улице шел дождь, плащ вошедшего был почти сухим. На удивленный взгляд жены математик ответил рассеянной улыбкой:

– Сергей Короткевич подвез, ему по пути...

То, что он не опустился привычно на заботливо подставленный стул, а застыл у дверного косяка со снятым правым ботинком в руке, навело Миру Борисовну на мысль о некоем важном разговоре или наблюдении. Она знала это его состояние, когда муж, подобно хорошему врачу-диагносту, мог зацепиться за некую мелочь, проверить ее с присущей ему отточенной логикой и интуицией и выстроить впоследствии верное умозаключение. Это было сродни предсказательству, хотя базировалось на привычке внимательно наблюдать и верно сопоставлять.

...Что же его так заинтересовало?

Никогда, даже в трудные времена, супруг Миры Борисовны не позволял себе раздражительных интонаций, оскорбительного молчания или маловразумительных ответов, только, чтобы отделаться. Оптимист по натуре, он предпочитал даже мрачные новости снабжать жизнеутверждающими комментариями. И уж если какие-либо события вызывали у него интерес или сомнения, пожилой человек предпочитал размышлять вслух, невольно приобщая к этому все примечательную жену. Делал он это забавно, то поглаживая горбинку толстого носа, то разминая пухлыми пальцами мочку правого уха. Порой брался за ножницы, будто инструмент помогал

воедино связать разрозненные мысли и замечания.

И в этот раз, со вкусом поужинав, Исаак Израилевич при-
нялся вырезать силуэты, попутно рассказывая о прошедшем
дне, новостях и сослуживцах, которых Мира Борисовна хо-
рошо знала и за чью личную жизнь переживала. Поначалу
речь пошла об Ирине Карамышевой. Математик описывал
ее семейные дразги как – то вскользь, даже лениво, из чего
супруга сделала вывод, что постепенно все наладится. Под-
жав губы и приподняв брови, она недоверчиво хмыкнула:

– Ходока трудно исправить!

– Ну что ты, Мира! Он неплохой парень, на время нить
от семейного клубка из рук выпустил, такое бывает. Ира по-
сильнее будет, со временем все свяжет...

Исаак Израилевич улыбнулся. Ирина ему напомнила соб-
ственную мать – крупную, властную женщину, яркими чер-
тами лица похожую на Софи Лорен. Мама не руководила
напрямую в семье, не поучала ежеминутно, но стоило в до-
ме разгореться скандалу, она подавала голос, сильный, груд-
ной, – и ситуация мигом выправлялась. Не то, чтобы ее боя-
лись, скорее признавали за ней право судить. Так у матема-
тика и вышло- вырезался женский профиль, императорски
посаженный на длинной, крепкой шее...

– Как там наша малышка? – отеческая симпатия пожилого
человека к Алинке давно передалась Мире Борисовне.

– Повторяет ошибку каждого творческого человека- пы-
тается придумать давно забытое старое. Целыми днями вая-

ет из пластилина диковинную мебель- не дают покоя лавры Филиппа Старка...

– Девочка ищет себя,— заступилась за любимицу жена.

– Ну-ну,— с легким намеком на сарказм — все-таки он сильно привязался к попрыгунье- произнес Исаак Израилевич. Он совершенно точно знал, в чем призвание Алины, но малышке предстояло пройти долгий путь к осознанию своего места в жизни. А пока...— Ей многое дается легко, пусть пробует...

Из-под острия ножниц выпало изящное сердечко, подвешенное на воздушных шариках.

– Все, чему человек учится, когда-нибудь будет востребовано,— с легкой ностальгией сказала немолодая женщина.

Математик- бухгалтер молча погладил ее руку.

– Чем же тебя озадачил Сергей?— наконец встрепенулась Мира Борисовна. Она решила задать вопрос напрямую, пока муж не перебрал подряд всех закомых. По тому, как Исаак бросился разминать свое ухо, она поняла, что попала в точку.— Вроде, к этой паре никаких претензий?

Настало время страдать стариковскому носу....

ЛЮБОВЬ КАК ПРИВЫЧКА.

...С мужем Майи пожилой бухгалтер столкнулся на первом этаже офисного здания, у стойки охранников. Исаак Израилевич направлялся домой, а Сергей на минуту заскочил в бизнес-центр, чтобы передать жене ключи от пригнанной

с техосмотра «Хонды». Волосы Короткевича блестели от капелек дождя, и старик с сожалением вспомнил, что не прихватил с утра зонтик, понадеялся на прогноз погоды. Молодой человек заметил досадливое выражение лица бухгалтера и предложил:

– Подождите минутку, я вас подброшу до дома.

Это было весьма кстати.

Пока Сергей поднимался в стеклянной капсуле лифта наверх, к офису, Исаак Израилевич пристроился на неудобном кожаном диване, аккуратно у автомата с горячими напитками. К широкому громоздкому ящику, выдающему порции дымящегося ароматного кофе и чая, постоянно подбегали жаждающие согреться. В основном, это были молоденькие сотрудницы младших звеньев администрации или среднего возраста дамы в светлых блузках и соблазнительных юбках – карандашах. Экс- математик, и в молодости ценивший дамскую красоту, бухгалтер автоматически присматривался к женским лицам, так сказать, проверяя алгеброй гармонию. Его личные пристрастия склонялись к особам, имеющим мелкие, правильные черты лица, которые и в более зрелом возрасте позволяли выглядеть молодо и подтянуто. Женщинам с крупными чертами была присуща большая яркость, которая притягивала, но, вместе с тем, настораживала излишней чувственностью и обещанием неожиданных изменений. Особенно, если примешивался неоднозначный темперамент.

Что же касается эмоций, и среди первых, и среди вторых попадались леди как со спокойным, медлительным нравом, так и со взрывным, бурным характером.

Исаак Израилевич был хорошим физиономистом, и мог составить верный психологический портрет человека, ориентируясь во многом на внешние данные. Если обыватель говорил: «Непонятно, такое красивое лицо, но есть в нем что-то отталкивающее...», то бухгалтер точно подмечал следы недобрых морщинок, гипертрофированное бойцовское начало в чересчур твердой линии рта или подбородка, презрительное напряжение глаз. ...Поколение Марса. Или, наоборот, бледную вялость носогубных складок вкупе с порочными изгибами соблазнительных губ и изящных скул. Опасный микс для увлекающихся натур. То есть, он мог чувствовать несоответствие характера заявленной красоте, хотя это и мешало созерцанию хороших лиц...

Бодрый голос Сергея прервал затянувшиеся размышления:

– Я готов, можем ехать...

По пути они разговорились:

– Заметил ваш интерес к представительницам противоположного пола. Ищете натуру? – от жены Сергей знал об увлечении бухгалтера силуэтным вырезанием.

Старик отшутился:

– А чего ее искать, любая – произведение искусства. Если всмотреться, даже в самой некрасивой женщине можно

отыскать «изюминку»...

— Не сочтите за двусмысленность,— как можно корректней произнес Короткевич,— но при нынешнем темпе жизни не всякий мужчина будет «рыться» в поисках этой самой «изюминки». Знаете ведь, мужчина любит..., ну и так далее...

— Не торопитесь, молодой человек. Кроме внешности имеются и другие составляющие... Помнится, после окончания школы я попал в компанию друзей старшего брата. Меня поразило, что все они были помешаны на одной девушке. Высокая, худенькая, угловатая. Треугольное личико с острыми лисьими чертами, редкие длинные волосы. Любила улыбаться, оглядываясь через плечо. За ней ходили табуны поклонников...

— Скрытая сексуальность,— тоном знатока безапелляционно произнес Сергей.

— Э, нет! Все гораздо тоньше. После нее оставался эфемерный след тайны, хрупкой загадки, которая притягивала невероятно. Ее не хотелось трогать, к ней хотелось прикасаться...— Пристально смотревший за дорогой бухгалтер вдруг повернул голову и пристально взглянул на Сергея:

— Какие три слова вы выбрали бы для Майи?

Впереди загорелся зеленый сигнал светофора. Машины было тронулись, но опять затормозили— по «зебре» ковыляла вековая бабулька. Небольшая задержка дала молодому человеку секунды на раздумья:

— Открытая... Умная...,— все же он споткнулся, подбирая

последний эпитет. Постеснялся сказать "любимая" при постороннем человеке.— ...Моя.

Бывший учитель удовлетворенно кивнул, соглашаясь с собственными внутренними выводами. Привычная любовь, удобная и надежная. Крепкий брак. Исаак Израилевич вздохнул.

— Почему вы спрашиваете?

— Ваша жена красивая женщина, но она из породы той моей знакомой...

Окончание фразы «ты просто забыл...» не было произнесено, но витало в воздухе. Сергей все понял, замолчал.

Дождь прекратился, небо расчистилось. Чтобы изгнать появившийся холодок в беседе, Короткевич попытался вернуться к прежней теме:

— И все же, внешность имеет значение. Есть две категории женщин, которые я абсолютно не приемлю — слащавые глупышки и высокомерные холодные гордячки, достигшие успеха, этакие Снежные Королевы. Особенно последнее. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

На этом разговор закончился, потому что они приехали. Бухгалтер попрощался и пошел к подъезду. Он боялся показаться старым занудой, поэтому и не сказал вслух слова, вертевшиеся на языке...

...— О чем ты промолчал ? — проницательности у Миры Борисовны было не занимать. Она с беспокойством следила

за выползающим из-под ножиц изображением спящей собаки.

– Никогда не зарекайся! В жизни может все перевернуться с ног на голову, и тогда черное станет белым, а неприемлемое будет таким близким и желанным...

ИЮЛЬ. СВАДЕБНЫЙ РИТУАЛ. ПОЛЯНА ВОЛХВОВ. КНЯЗЬ

Свадебный церемониал для Клима и Ольги Невзоровых, протеже Лены Комковой, был назначен на середину июля, после окончания Петрова поста. К сожалению, Комковы не попали на торжество- Лена вот уже вторую неделю жила в Кентерберри, где шестилетний Андрюшка посещал месячные курсы английского языка, а Виктор не захотел ехать на свадьбу в одиночестве.

До этого Майя несколько раз встречалась с ребятами, Климом и Ольгой. Безусловно, здесь и речи быть не могло, что кто-то кого-то «подцепил». Молодые люди были безумно поглощены друг другом, это было видно невооруженным глазом. Худенькая, большеглазая Оля то и дело норовила дотронуться до своего Климушки, будто он мог исчезнуть в любую минуту, жених же беспрестанно окликал ее. Они познакомились на одном из театрализованных представлений, для которого Ольга шила костюмы, а Клим был приглашен в качестве спонсора. Познакомились сами, без представления,

наткнулись взглядом в толпе и загорелись. Ольгу, хрупкую, нежную девушку с огромными тающими глазами и сочным смеющимся ртом, трудно было не заметить, ну а на Клима, большелобого, русого, с ухоженной бородкой, уже было началась охота. Год ребята проверяли свои чувства, после чего решили пожениться.

Организаторы проявили недюжинную смекалку, выбирая время и место праздника. Конечно, никто не требовал побуквенного следования древним славянским канонам, скорее это была стилизация под старинный обряд. Сохранялись обрядовые атрибуты: знакомство друзей и подруг, игры на природе и, наконец, отдавание невесты жениху, завершающееся роскошным свадебным пиром. Приверженность к языческим обрядам просматривалась и в облике небольшой туристической базы, расположенной в живописном отдаленном уголке Подмосковья (удачная имитация деревенских избушек с современной электронной начинкой), и в настоятельных рекомендациях приглашающей стороны соблюдать своеобразный дресс-код. Женщинам и девушкам предписывалось надевать длинные псевдорусские платья или сарафаны, мужчинам же делались послабления – любые рубашки и брюки, исключая костюмные пары с галстуками, смокинги и джинсы с футболками. Поначалу это несколько настораживало прибывшую на несколько дней раньше Майю – она как непосредственный сценарист и участник церемонии боялась, что гостей отпугнет навязанный образ, но бур-

ный отклик молодежи развеял все сомнения. Кеттеринговская же служба, отвечающая за свадебное застолье, совершенно невозмутимо приняла праздничный заказ: всевозможные расстегаи, пироги со стерлядкой, блины с различной начинкой, включая красную и черную икру, и овощные разносолы, непременно в деревянных кадлушках. Не были забыты мясные деликатесы, приготовленные по старым рецептам и, конечно же, горячие кушанья, начиная с солянок и борщей и заканчивая тающими во рту блюдами, приготовленными из птицы и рыбы. В меню также входили традиционные русские напитки: ягодные морсы, квасы, сбитни и медовухи. Отбором крепкой и чистой, как слеза, водки руководил непосредственно отец жениха, в тесном контакте с сомелье ресторана. Надо ли говорить, что уже накануне свадьбы оба были в лирическом настроении и пространных спорах о философском значении питания на Руси. Однако это не мешало слаженной работе поваров и официантов, кухонных рабочих и поставщиков продуктов, что весьма радовало организаторов праздника.

Все торжество должно было проходить в трех местах: на центральной площади турбазы, большой дубовой поляне и зеленой лужайке за жилыми домиками, где уже стояли большие шатры для банкета. Мебель, посуда, столовое белье и корзины с цветами давно были доставлены и складированы в центральном здании турбазы. Майя видела эскизы приглашенных декораторов и была поражена, насколько точно они

воплотили ее задумку. Праздничное убранство было решено оформить в природных тонах: бежевых, терракотовых, цвета земли и молодой листвы. Белоснежные полотнища шатров и яркие пятна цветочных корзин только дополняли общую сдержанную гамму, придавая торжественность и ощущение свежести. Организаторами использовались только натуральные материалы. Майя с одобрением отметила и благородный лен скатертей и салфеток, и теплый цвет деревянных столов и лавок, и чеканную филигрань кованых подсвечников. Особенно ее очаровали гирлянды и большие венки из полевых цветов, которые флористы бережно развешивали по стенам и под куполами шатров. Привычно думая о своем детище, молодая женщина в который раз убедилась, что высокий класс любого начинания проявляется именно в деталях, в четко прорисованной концепции и мастерстве исполнения. О своей роли талантливого интерпретатора-сценариста она как-то и не подумала. Не из-за скромности, а по щедрости души, сочетающей в себе безусловный артистизм и отсутствие тщеславия.

Тем временем на дубовой поляне шли иные приготовления. Рабочие устанавливали по кругу факелы на длинных шестах, расчищали место для кострища и активных игр. По сценарию, молодые с гостями именно здесь будут кружиться в хороводе, тянуть канаты и состязаться в ловкости и смекалистости. Майка с Алиной просидели в библиотеках несколько недель, перелопатили в Интернете все сайты, ма-

ло-мальски связанные с древними обрядами, обзвонили кучу знакомых и незнакомых людей. Наконец, они увязали все игры и конкурсы не только со свадьбой, но и с традициями празднования летних обрядовых дат, что придавало всей церемонии некий сакральный смысл.

Майя сама ощутила невольный трепет, очутившись на дубовой поляне накануне вечером. Она решила прогуляться перед сном и уже в сумерках вышла на большое, чуть подсвеченное вечереющим небом пространство. Ни чужих людей, ни зверей она не боялась – изнутри пришло ощущение, что здесь ей ничто не угрожает. Наоборот, снизошло такое спокойствие и умиротворение, что она, сделав несколько шагов, запрокинула голову, закрыла глаза и замерла. Столетние дубы чуть шелестели плотными резными кронами где-то высоко вверх, одобрительно и чуть настороженно. Майе чудилось, что они, сподвижники древних волхвов, владеют многими тайнами мироздания и уж точно знают про нее, маленькую песчинку, терзаемую радостями и сомнениями, надеждами и непонятными предчувствиями. Всплывшие было в голове вопросы куда-то исчезли, растворились в полном единении с ночной тишиной, вдруг установившейся вокруг. Перестали шуметь деревья, замолкли ночные шорохи, лишь первые проклюнувшиеся звезды с любопытством смотрели на маленькую замершую фигурку посреди заповедного леса...

...-Просыпайся, милая! Ужо солнышко всходит, роса мо-

локом берется, надобно ехать. До братней заставы день пути, коли недругов не встретим, – теплое дыхание любимого коснулось сонной княгини. Она потянулась, открываясь навстречу ждущим серым глазам, и счастливо улыбнулась. Три года светлого замужества не стерли новизну и свежесть прикосновений. Запах кожи своего князя, первого и единственного мужчины, княгиня могла уловить среди тьмы воинов. Еще тоньше она воспринимала оттенки Его чувства к ней. Чуть насмешливое восхищение и притворное равнодушие, когда внутри сводит от обжигающего вожделения, нежность и неосознанная твердость защитника; порой казалось, что Он читает ее, как открытую книгу. Неизбежные военные отлучки и дозорные поездки по вотчинным землям были досадной ложкой дегтя в их семейной жизни.

–Иду, родной, – сонное тепло смятого ложа так и манило откинуться назад, на шелковые простыни.

–Не встанешь -окуну в купель,– высокий русоволосый князь со смехом подхватил молодую супругу на руки.-Только не обессудь, если вода холодная. Да и мне не мешает обдаться, уж больно ты хороша!

Зардевшаяся от смущения княгинюшка спрятала лицо на груди любимого...

...Веселые возбужденные голоса отдыхающих вдруг зазвучали совсем рядом, резко вырывая молодую женщину из сонного оцепенения. Еще секунду Майка приходила в себя, оглядывая поляну почти невидящим взглядом. Затем мед-

ленно повернулась и, постаревшая, сотни лет проплакавшая, ушла с поляны, ни разу не оглянувшись.

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ. ХРАНИТЕЛИ.

– Недалеко от той заставы князя поджидала скорая стрела, – голос блондинки- Архивариуса не изменил тональности, незаметно расширились зрачки, и все. – Княгиня прожила долгую вдовую жизнь. Она дала обет молчания и ни разу его не нарушила. Сказывали, красивая была пара.

– Неужто просыпается родовая связь? – тихо пробормотал под нос Хранитель Севера.

Впервые она позволила себе вмешаться в ход его мыслей:

– Это возможно, Учитель?..

– Я слышал о подобном. Думаю, да, возможно. Но Синклит не позволит...

– Почему, Учитель? Что плохого, если они встретятся в этой жизни?

– Будь мудрее, дочка...

Она поняла на лету, до того, как он договорил свою фразу, и это причинило ей чуть ли не физическую боль:

– Подобный исход может повториться?

Старый Хранитель промолчал.

Чуть в сторонке тихо переговаривались Старейшины:

– Необходимо проследить за вероятностью пересечения жизненных векторов. При высоком коэффициенте будем принимать решительные меры. А пока ждем...

На пороге своей избушки Майка очнулась окончательно. Недоуменно оглядываясь, потрясла головой и сокрушенно вздохнула- нет, пора в отпуск, на море. В теплые страны. Иначе чудится неизвестно что и неизвестно где! А поляну неплохо было бы украсить стилизованными истуканами, молодым понравится! С этими мыслями она поскорее забралась в холодную постель, поерзала немного, согреваясь, и, наконец, уснула крепким сном вымотанного за день человека.

ЛЕНА. ШУРПА. «ГОРЯЧЕЕ ОТКРЫТИЕ ДЕТСТВА»

Шурпа- узбекский «жареный» суп.

Готовится в казане. В хлопковом или подсолнечном масле обжариваются куски баранины на косточке. Затем все заливается холодной водой и ставится на средний огонь. Когда мясо закипит, закладываются овощи: морковь, порезанную на четыре части, сладкий перец – кубиками, томаты – дольками, лук – кольцами, свеклу- кружками, картофель- крупными кубиками. чеснок- головкой. Добавляется стручок жгучего перца (следить, чтобы не разорвался!) Время готовки-1 ч. 20мин.

На казан:

Баранина-1,5кг

Растительное масло-400-500г

Картофель-5 шт.

Морковь-3 шт.

Свекла-1 шт.

Перец сладкий- 2 шт.

Томаты- 2 шт.

Чеснок-1-2 головки

Соль, травки- по вкусу

« Горячее открытие детства»

« Давным-давно, в одной белорусской семье, неведомо какими ветрами занесенной в знойную Ферганскую долину, родились девочки- двойняшки. Они росли в уютном домике с верандой, построенном отцом, дружили с черноглазыми и чернокосыми соседками- узбечками и не подозревали, что где-то существует мир, отличный от их солнечной долины, наполненной красками жаркой и терпкой Азии.

Небольшой городок затерялся среди бесчисленных хлопковых полей и синеющих на горизонте островерхих гор. Многочисленные речушки, сбегаящие с вершин по весне, с шумом наполняли рукотворные каналы- арыки и устремлялись прочь, подальше от людских поселений. Из арыков, расположенных перед домами, женщины брали воду для хозяйственных нужд, а детишки с удовольствием купались, спасаясь от летнего зноя.

У дома сестер росло старое тутовое дерево с огромны-

ми корявыми ветвями, усыпанными сладкими гусеничками-плодами. Под ним всегда можно было спрятаться, поваляться на траве или под прикрытием узловатых корней смастерить тайники – секретники.

В тишине тенистого сада, среди персиковых деревьев и виноградных лоз, стекающих вниз гроздьями черных ягод, коротали прохладные вечера сухощавые старушки и почтенные аксакалы. Им доставляло удовольствие время от времени покрикивать на вездесущих мальчишек, ловивших отчаянно верещащих цикад и лягушек.

Сестрички были неразлучны всегда и везде, ведь так лучше получалось придумывать новые развлечения и способы защиты от соседских ребятишек. Вдвоем они не так боялись страшного бабая, который мог придти и навсегда забрать с собой провинившегося непоседу.

Однажды сестры допоздна заигрались на улице. Мать уже несколько раз окликала их из раскрытого окна, так что девочкам пришлось спешно собирать разложенные на траве игрушки. Пока одна из них побежала за проволочной корзинкой, вторая караулила детские сокровища: маленьких голопузиков, самодельную игрушечную мебель, кубики. Девочка так увлеченно складывала все это в горку, что не слышала ликующего топота, заглушенного толстым слоем придорожной пыли. Только тяжелое сбивчивое дыхание позади заставило ее оглянуться. И застыть от страха. Огромный, весь в свалявшейся шерсти, баран стоял неподалеку и с любопыт-

ством смотрел на возможную жертву. Он только что выско-чил из распахнутых ворот соседки, Фатимы-джан, и теперь искал приключений на воле. Это было просто большое глупое животное, но девочка испугалась так, что перехватило дыхание. Она попятилась назад, тоненько вскрикнула и бросилась наутек. Ей хватило пары минут, чтобы оказаться на другой стороне улицы. Баран с победно вскинутой головой радостно понесся за бедняжкой. Одна улица, вторая.. Лохматый хулиган давно отстал, а девочке все слышался топот его копыт. Наконец, она остановилась в совершенно незнакомом месте, где позади теснились убогие домишки. А впереди находилось нечто огромное, алое, удивительное...

Как во сне, широко расставив тоненькие ручки, напряженно вытянув шейку, ребенок приближался к кромке поля, за которой простиралось целое море огненных степных маков. Жар от них поднимался вверх, колебался в золотистой дымке заходящего солнца и растворялся в фиолетовом небе, отчего весь мир казался выпуклым и ярким.

Девочка уселась на ближайший холмик и долго любовалась цветами. Она забыла обо всем на свете, загипнотизированная алыми мазками. Усталость потихоньку взяла свое, и она задремала, покачиваясь во сне. Прошло около часа, и малышка проснулась от вечерней прохлады и чувства подступающего голода. Не в силах понять, как она очутилась здесь, испугавшись подступающей ночи, девочка принялась плакать и звать родителей. Ждать пришлось недолго: из темноты

сначала послышалось старческое покашливание, затем перед девочкой появился...бабай. Она оцепенела от ужаса. А бабай в полосатом халате улыбнулся, снял тибетейку и оказался старым дедушкой- сторожем из детского садика. Он привел девчушку в свой дом, расспросил о случившемся и отправил внука за родителями беглянки.

Впервые попав в чужое жилище, девочка не испугалась. Здесь пахло по-домашнему, душистыми лепешками, маминными приправами и свежей зеленью. Хозяин заметил, что ребенок голоден и принялся колдовать над казаном. Вскоре на столе появилась большая синяя пиалушка, до самых краев наполненная ароматным янтарным супом- шурпой. Зачарованная, девочка смотрела в чашку: на горячей поверхности появлялись, расцветали и пропадали огненные узоры, так похожие на алые маки в степи. Резные листики кинзы, тонюсенькие ниточки укропа плавали в золотистом бульоне, как невесомые кораблики, под ними просвечивали большие прозрачные кольца сладкого ферганского лука, оранжевые палочки моркови и бордовые кружки свеклы. Предусмотрительный хозяин вынул из шурпы лаковые дольки острого перца, добавив в чашку несколько ломтиков картофеля и кусочек сочной баранины. От густого мясного духа, сдобренного пряно-сладкими овощными нотками, закружилась голова и потекли слюнки. Первая ложка согрела, дальше дело пошло веселей. Чудесным образом забылись все страхи, захотелось спать.

Когда перепуганные родители примчались за второй дочкой, та уже вовсю клевала носом, сытая и согретая. Радужный «бабай» угостил шурпой и их.

«Жареный» суп, так иногда называли его местные жители, очень понравился матери девочек. Позже она выведала у старого сторожа все тонкости приготовления и сделала своим фирменным блюдом...

...Лишь на короткий отрезок времени вспыхивает море маков. Воспоминания же, переплетаясь с обыденными вещами, способны долгие годы дарить незабываемые ощущения...»

– Лена, что ты там делаешь?– позвал жену Виктор.– Иди сюда.

Он высунул голову из детской комнаты и призывно помахал рукой. Сегодня была его очередь читать сыну вечернюю сказку. Андрюшка долго не мог уснуть, канючил то попить, то сходить в туалет, словом, резвился, как мог. Только у Лены хватало терпения спокойно, без раздражения, уложить сына спать.

– Сейчас, Вить, одну минуту. Я уже заканчиваю.

Она покосилась в сторону детской, торопливо черкнула пару строк в заветной тетрадке и вздохнула. «Может показать Витюне? Нет. Засмеет!»

Лене и невдомек было, что муж давно и с удовольствием просматривал ее рукописный сборник рецептов. Многие из написанного он пробовал, так сказать, непосредственно,

ему нравилось. Виктор бешено гордился своей Ленкой, но говорить об этом не торопился. Еще зазнается, неровен час. Мужское коварство заключалось и в том, что он немножко завидовал ее увлечению. Так, чуть-чуть. Вот нашла же старого повара-уйгура из узбекского ресторана, почти час его пытала про национальную кухню. Теперь терзает свой блокнот.

Виктор заботливо прикрыл уснувшего сына и на цыпочках вышел из детской комнаты. Подошел к смущенной жене, чмокнул в макушку и добродушно пробасил:

—Ну, хватит уже прятаться. Когда шурпу пробовать будем?...

ЖАРКОЕ ЛЕТО. ОТПУСКА. ИРИНА.

Вторая половина лета выдалась жаркой и засушливой. Тяжелее всего зной переносился в городе. Если ночью кое-где гулял небольшой дождик, то, начиная с утра, горячий воздух высасывал всю влагу с каменных боков зданий, плавящегося асфальта и любых горизонтальных поверхностей, будь то крыши автомобилей или пожухшая трава городских газонов. За пределами мегаполиса дело обстояло куда лучше, там иногда резвился ветерок, не запертый громадами многоэтажек. К услугам изнывающих от зноя горожан были многочисленные реки, речушки и озера, опоясывающие столицу густой сетью, тенистые рощи и редкие, но хорошо проветриваемые перелески, заложенные вручную терпеливыми ра-

ботниками лесхозов несколько десятилетий тому назад.

Город стремительно пустел, порциями выплескивая людей, кого в ближайшее Переделкино, кого в конфетный рай далеких заморских стран.

Майя выпроводила всех в отпуска. Дольше всех сопротивлялась Ирина. Она отправила детей с сестрой на Кипр практически на все лето, твердо решив провести время рядом с начальницей на боевом посту. Они закончили незавершенные дела, набросали план работы на полугодие, и на этом трудовая деятельность иссякла. Наступил период затишья. Майка залазила в архивные дебри, шарила по библиотекам и базам данных, выискивая свежие идеи, а Ирка, как заправский секретарь, не выходила из офиса, отвечая на редкие звонки. Все попытки работодателя выгнать ее в отпуск заканчивались неудачей:

– Ира, объясни мне, пожалуйста, почему ты не хочешь отдохнуть? В сентябре начнется запарка, сама знаешь. Смогу отпустить только на неделю.

– Неважно. Мне нужно чем-то заняться.

– А как же дети? Они требуют и ухода, и внимания. Да и сестра тебе не обязана...

– Майя, не забивай себе голову. С ними квалифицированная нянька, да и дети уже не грудные. Небось, рады, что уехали от мамкиной опеки.

На самом деле, Ира тяжело переживала разлуку с детьми. Она звонила им но несколько раз за день, подробно расспра-

шивала про еду, погоду, времяпрепровождение. Особенно ее беспокоили Анечкины ушки, их нужно было предохранять от попадания морской воды. И обгоревшие на сильном солнце плечи Макса. Ира нервничала и каждый раз обещала, что скоро приедет к ним вместе с папой. Майка злилась на Олега, которому было наплевать на материнские и иные чувства жены. Ирина боялась оставить его одного, как будто это что-то меняло. Про себя Майя решила, что под любым предлогом отправит ее в отпуск.

Однажды, в конце июля, позвонила Ленка и предложила провести ближайшие выходные за городом, у неких общих знакомых. Она скинула по электронной почте подробную схему проезда, пообещав, что скучно не будет. Ира поворчала, но согласилась приехать со своим благоверным, у которого выдалась короткая передышка в бесконечных делах. Кроме того, Олежку привлекла возможность найти потенциального инвестора в лице весьма состоятельного хозяина дома.

Как подозревала Майка, Лена начала приводить в исполнение их давнишний план. Поэтому она с удовольствием приняла приглашение, но в самый последний момент у Сережки на заводе, в компрессорном цеху, случилась серьезная авария, и Майка, извинившись, отменила поездку. Она переживала, что свалила на Комкову лишние хлопоты, на что последняя, посмеиваясь, заявила:

– Да брось ты переживать! Ставлю сто против одного, что

Олежек поведется. Мы с Витюней ввели хозяина в курс дела (в рамках нужного, конечно), так что устойчивый интерес к домовладению обеспечен.

— Ну что ж, пан или пропал. — Майка вздохнула.— В любом случае, мы хотя бы попытались помочь Ирке.

— Все будет хорошо! —оптимизм подруги вселял надежду.—Может, вы с Серегой все-таки вырветесь?

— Вряд ли получится. Короткевич разбирается там с кучей специалистов, без завтрака и обеда. Ты держи меня в курсе, ладно?

— Окей. Кстати, мои ребятки до сих пор не отошли от свадьбы. Прожжужали все уши про твои таланты. Кажется, они готовят для тебя какой-то сюрприз!...

— Пусть не выдумывают, это не моя заслуга,— Майка помолчала, снова переживая моменты безумно красивого и светлого торжества. Красочная церемония превзошла все ожидания, а молодежь с восторгом вспоминала день накануне свадебного застолья. Тогда, на дубовой поляне, негде было яблоку упасть. Поначалу на лужайку, украшенную гирляндами, факелами, зелеными плетеными щитами и резными столбами с изображениями птиц и животных, высыпал весь народ, стар и млад. Люди кружили по поляне, разыскивая свои тотемные знаки, указанные в коротеньких записочках. Каждый находил крохотный схрон, в котором прятались дары и шуточные предсказания. Потом начались состязания. Гости постарше уселись на зрительские места- деревянные

чурбачки по периметру поляны, а молодежь разбилась на команды. Парни принялись перетягивать канаты, метать мешочки с мелом в мишень-фанерный щит с изображением дикого кабана, состязаться в ловкости, карабкаясь по гладкому столбу за парой новеньких сапог. Девушкам тоже нашлось развлечение, им потребовалась смекалка и чувство юмора, чтобы нарядить соломенное чучело из подручных средств. Подружка невесты, пухленькая рыженькая хохотушка Марина удивила всех, быстро и сноровисто связав сноп соломы. Закончив дело, она торжествующе уперла руки в бока и тут же выдала задорную частушку. Наградой был поцелуй свидетеля. Виновница торжества, Ольга, отличилась в составлении самого красивого венка. Юная часть женской половины крутилась перед судьями, демонстрируя умело заплетенные косы и затейливые прически. Здесь подружкам Ольги из мастерских не было равных. Много смеха вызвала старая игра «Моргалочки». Все присутствующие встали в круг по парам, кроме одного. По иронии судьбы им стал Клим. Его задачей было переманить участника из внутреннего круга, незаметно подмигнув ему. Игрок же из внешнего круга должен был вовремя заметить и удержать свою половину, иначе роль одиночки переходила к нему. Климу пришлось мобилизовать все свои способности. Он ходил гоголем, хлопал воображаемыми крыльями, делал обманные движения в сторону, но дюжий свидетель неусыпно следил за напарницей, Ольгой. Тогда на помощь ему пришла Марина, тайно меч-

таящая о втором поцелуе рослого красавца. Она неожиданно подпрыгнула и захлопала в ладоши, чем и воспользовался Клим. Безостановочно моргая двумя глазами, он на лету перехватил молодую жену. Казни египетские обещал нарочито зверский взгляд свидетеля, устремленный на Марину. Та в предвкушении волнительных ощущений потупилась и скромно покраснела...

Вообще, чем ближе к вечеру, тем взрослее становились забавы. Уже в сумерках поляну осветили огни факелов. В центре кострища взвились малиновые языки пламени. Смолистые дрова потрескивали и выбрасывали высоко вверх золотистые комочки угольков. Когда огонь поутих, настало время прыжков через костер. Смех, крики, подзуживание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.